

A close-up, high-contrast portrait of a woman with long, straight, light brown hair. She is looking slightly downwards and to the left, with a soft, contemplative expression. The lighting is dramatic, highlighting the texture of her hair and the contours of her face against a dark background.

ДИАНА
МАШКОВА

ПАРИЖСКИЙ
ШЛЕЙФ

...Психологизм, умение проникнуть в тайны человеческой души, социальная зоркость, — все это позволяет говорить о прозе Машковой как о заметном литературном явлении.

Писатель Юрий Поляков

Диана Машкова

Парижский шлейф

«ЭКСМО»

2010

Машкова Д. В.

Парижский шлейф / Д. В. Машкова — «Эксмо», 2010

Жестоко наказала судьба красавицу Настю за доверчивость и наивность: вместо обеспеченной, счастливой жизни – унижения и одиночество, вместо любви – преданные, поруганные чувства. Никто не подаст ей руки, чтобы поднять с колен, однако Настя не из тех, кто сдается. Но сможет ли месть, которая стала целью жизни, заменить счастье? И как поступит ныне успешная, состоятельная леди, когда в ее дверь однажды постучится прошлое?

© Машкова Д. В., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Диана Машкова Парижский шлейф

Дорогой читатель Литрес,
от всего сердца благодарю
за выбор моей электронки
книжки и надеюсь, что
моя прекрасно проведен
время вместе!

Желаю добра, счастья,
увлекательных историй
и радости каждый день.

Будьте любимы и любите,
пусть удача не покидает!

С любовью,

Ваша

Диана Машкова

Часть первая La Debauche¹

*В провалах грусти, где ни дна, ни края,
Куда Судьба закинула меня,
Где не мелькнет веселый проблеск дня,
Где правит Ночь, хозяйка гробовая,
На черной мгле я живопись творю,
Всегда язвимый богом ядовитым,
И, как гурман, с могильным аппетитом
Свое же сердце к завтраку варю.*

Ш.Бодлер

Глава 1

Настя проснулась рано. За окном сияло юное солнце, какое случается в Москве только в самом начале лета. Оно не жгло, не наглено: робко заглядывало в комнату и едва ощутимо прикасалось к телу нежным теплом. Настя гибко изогнулась под струящимся светом и с наслаждением потянулась в постели. Прохладная ткань шелковых простыней приятно ласкала спину. «Как быстро привыкаешь к хорошему», – пробежала незатейливая мысль. Девушка повернулась на бок, взглянула на часы, зевнула и, обняв подушку, снова закрыла глаза – не вставать же в такую рань!

Реальность постепенно снова таяла, в голове возникали туманные картины. Еще какое-то время Настя балансировала на грани яви и дремы, а потом безвольно нырнула в глубокий сон.

Она шла по узкой тропинке вокруг огромного озера с зеленовато-голубой водой, искала пляж, чтобы искупаться. Шла долго, оглядывалась по сторонам, любовалась ленивым знойным пейзажем, пока не увидела чудную лужайку у самого берега. Сочная трава была удивительно густой и гладкой. Настя потрогала зеленое покрывало рукой, присела. Потом легла и с наслаждением вытянула усталые ноги. Было хорошо: солнышко старательно согревало живот и грудь, трава приятно холодила спину. Настя перевернулась. Теперь стало тепло спине, а животу – прохладно. И вдруг эта прохлада зашевелилась. Стала расползаться по коже, залепила лицо. Настя в ужасе вскочила, пытаясь стряхнуть с себя холодные влажные комья, но они намертво прилипли к телу. Повинуясь инстинкту, Настя начала освобождать глаза, которым мешала раскрыться склизкая тяжесть на веках. С трудом отлепила шевелящиеся сгустки и закричала: на раскрытых ладонях копошились красно-коричневые клубки земляных червей.

Она кричала, не в силах остановиться, но не слышала ни звука – крик погрузался в воздух, словно в вату. Борясь с тошнотой, бросилась в воду – на поверхности озера тут же расплылось живое облако извивающихся тварей. Настя в панике поплыла прочь. Ей удалось добраться почти до середины водоема, когда все вокруг вдруг вспенилось, забурило, образовав громадных размеров водоворот. Увлекаемая в глубь воронки, потеряв от ужаса силы и разум, девушка перестала сопротивляться. Она готова была тонуть, но только не возвращаться к берегу, не прикасаться к омерзительному червивому облаку...

¹ Разврат (*фр.*).

Настя очнулась в холодном поту, в слезах и с единственной мыслью: «Неужели спаслась?!» Мокрые пряди волос прилипли ко лбу, руки от страха дрожали. Она не помнила, что ей приснилось, только ощущала непреодолимый ужас, который объял во сне все существо. Мучительные обрывки мерзких ощущений накатывали и отступали, словно дьявольский прибор.

Телефон на туалетном столике вздрогнул – Настя тоже – и пропел надрывную трель. Девушка отшатнулась, трель повторилась, правда, звук уже не показался таким резким. Настя с трудом перебралась на другую сторону громадной кровати и, дрожащими пальцами впившись в трубку, поднесла ее к щеке.

– Да-а? – голос прозвучал испуганно и тихо.

– Ты что, радость моя, еще спишь?

Звонил Николай. И, как всегда, в своем духе – даже не поздоровался, словно они и не расставались.

– Нет. Я проснулась, – Настя зябко поежилась от недавних, начавших медленно таять благодаря любимому голосу ощущений.

– А от чего моя девочка такая грустная? Настенька, посмотри в окно – небо голубое, солнышко светит, – он словно почувствовал ее состояние и теперь искусно излучал утреннюю бодрость. Хотя ранние пробудки были совсем не в его вкусе. Господи, какой же он у нее внимательный и милый!

– Смотрю, – Настя слабо улыбнулась: его забота и впрямь начала действовать как лекарство, – светит.

– Тогда поехали!

– Куда? – Настя с трудом выбралась из постели – тело после отвратительного сна ломило, голова разболелась. Но если уж Николай сказал «поехали», то лучше начать собираться сразу.

– Ты что, забыла?! – притворно рассердился он. – Я же хотел показать тебе свой новый дом!

– Его достроили? – прикрыв ладошкой рот, она зевнула: о своем загородном доме Николай рассказывал Насте уже целых полгода. И все это время – то едем, то не едем. Надоело.

А сейчас, после кошмарного сна, она вообще не хотела шевелиться – накатила апатия и усталость. Словно тело только-только начало приходить в себя после тяжелого гриппа: суставы ныли, а мысли в звенящей голове ворочались болезненно вяло.

– Да! – В голосе его на этот раз прозвучала натянутая веселость. – Давно пора! Но у нас же знаешь – как всегда...

– А надолго? – Настя, преодолевая головную боль, босой ножкой извлекала из-под кровати пушистые розовые тапки – левый, правый.

– Надолго, – Николай загадочно замолчал, – хотел сделать тебе сюрприз, ну да ладно, скажу. Мне наконец-то дали отпуск, на целых две недели!

– Что?! – Настя обрадовалась невероятно. Даже ломота в теле куда-то тут же пропала. – Это же здорово!

Прижав трубку к уху плечом, она запрыгала на месте, как маленькая, и даже захлопала в ладоши. Он ласково усмехнулся в ответ, и от этого на душе стало тепло и спокойно.

В последнее время они так мало виделись! Даже не каждый день. А она без конца, каждую минуту, думала о нем и хотела быть рядом. Обижалась на то, что звонит ей только утром и вечером, а днем – никогда, расстраивалась, что засыпает сразу же после, убивалась, думая, что уже не любит, что все так стремительно прошло. Но потом брала себя в руки и старательно убеждала – у него же работа, проблемы, вечная нервозность. Надо понять.

– Я только родителям позвоню, – торопливо начала она оправдываться в трубку, – не отпрашиваться, не думай, но нужно предупредить. Все-таки две недели.

– Позвони, – Николай усмехнулся, а потом в голосе зазвучали стальные нотки, – хотя, на мой взгляд, ты давно уже взрослая женщина.

– Благодаря тебе, – Настя хотела угодить ему, чтобы как можно быстрее закрыть эту тему: взаимная, а главное, исключительно заочная неприязнь родителей и любимого человека была единственным черным пятном в ее новой прекрасной жизни. И если маму с папой еще можно было понять – ее молодой человек был для них не больше чем фантом тридцати лет по имени Коля, и они привычно волновались за дочь, да так сильно, что поначалу чуть не разрушили с ней все отношения, – то ему-то на что было злиться? В их жизнь родители не вмешивались, хотя могли. И это он не хотел знакомиться с ними, а Настя ему подчинилась, потому что любила. Страстно. Неосторожно.

– Умница! – похвалил Николай. – Все-то ты понимаешь.

– Да-а-а, – Настя улыбнулась и тайком вздохнула от облегчения: буря прошла стороной, – твоя же школа.

– Точно, – Николай снова пришел в самое доброе расположение духа, – ладно, собирайся. Через полчаса буду.

– Кто бы сомневался, – Настя рассмеялась: если Николай что-то задумал, то все кругом должны тут же построиться и это исполнить, – уже бегу в душ – и одеваться.

– До встречи!

В трубке слышались короткие гудки. Настя торопливо бросила ее на рычаг и побежала в ванную комнату. Времени было мало. Нужно волосы вымыть и высушить, одеться, вещи собрать. Николай, с его начальственными замашками, привык, чтобы все вокруг него было организовано как нужно – за две секунды. Настя улыбнулась, вспоминая обычно суровое, но такое любимое выражение его лица, шагнула в душевую кабинку и открыла воду.

В дверь позвонили как раз в тот момент, когда она выбрасывала из шкафа на кровать одежду, размышляя, что с собой взять. Огромная спортивная сумка в ожидании лежала рядом. Настя тяжело вздохнула – вовремя собраться не успела, теперь не избежать урагана, точнее, цунами – и отправилась открывать.

– Привет! – он чмокнул ее в губы, на секунду крепко прижал к груди. – Ну, как, собралась?

– Почти, – Настя потянулась за вторым поцелуем, чтобы он не сразу увидел разбросанные на кровати вещи, и тихо пожаловалась: – Только не знаю, что с собой брать. Там не холодно?

– Господи, июнь на дворе! – Он опять начинал раздражаться. Устал, наверное, за последнее время со всеми этими новыми проектами на работе. – В доме, если нужно, – газовое отопление. Еще вопросы будут?

– Не знаю, – Настя вздохнула. – Ты проходи, я сейчас быстренько вещи соберу, и поедем, ладно? Всего пять минут.

– Эт-то что за гора?! – Николай возмущенно застыл на пороге, Настя сжалась в комок. – Та-а-ак, ты, дорогая моя, складывать ничего не будешь – я сам. Иначе мы с тобой и к ночи никуда не попадем. Ты что, уже замерзла?

– Нет, – испуганно пролепетала она.

Какой же он вспыльчивый, дикий и какой... неотразимый в своем гневе! Рвет и мечет, кажется, еще чуть-чуть – и может задушить, способен ударить, но вместо этого начинает целовать, бросает на кровать, чтобы любить до потери разума, до иступления. Настя уже давно и необъяснимо полюбила его бояться. Стоило Николаю прикрикнуть, и по телу разбегались предательские мурашки, разливалась волна возбуждения. Как только этот мужчина додумался выработать у нее такой рефлекс?! Как умудрился научить ее превращать страх в сладострастие?!

– С чего это ты взял, что я замерзла? – дрожащим шепотом спросила она.

48 – Какого черта ты тогда надела джинсы? У нас что, юбочки в гардеробе перевелись?!

– М-м, – Настя, понимая, что любимый уже заметил ее состояние и начал играть, как кошка с мышкой, попыталась спрятать глаза, – я подумала, что ехать далеко в юбке неудобно, к тому же ведь лес, комары...

– Думать буду я, о'кей? – Он прошел в комнату и по-хозяйски лег на кровать, прямо на одежду, подперев ладонью щеку. – А ты будешь привычно делать то, что тебе скажут. Ну?

– Чт-то – ну? – голос у Насти уже срывался.

– Раздевайся, – приказал он.

– Ты что, даже не отвернешься? – она покраснела.

– Я?! Нет. Так снимай! Будем подбирать тебе одежду, – он, чуть приподнявшись, меланхолично покопался в куче вещей под собой.

– И что мне? Все снимать? – совсем тихо пролепетала она.

– Все. Ну? – Николай уже говорил жестко и даже грубо. Настя тяжело вздохнула, поколебалась несколько секунд и расстегнула узкие джинсы. Потом начала стягивать их, немного виляя бедрами, чтобы они лучше сползали.

Она и сама не могла понять, откуда взялась в ней эта страсть к приказам. Стоило Николаю повысить голос, вплести в него властные нотки, как она таяла прямо на глазах. Растворялась в непрошеном, жгучем возбуждении, с которым невозможно было бороться. Странная болезнь подчинения была неразрывно связана с безумной любовью к единственному в ее жизни мужчине. Попробовал бы кто-нибудь другой при каких угодно обстоятельствах! Даже подумать страшно, что бы она с этим несчастным сделала.

За джинсами настала очередь футболки, которая медленно поехала вверх, обнажая загорелый живот и кокетливо запрятайную в кружевной лифчик грудь. Потом Настя села на пуфик возле туалетного столика и, дрожа, начала стягивать белые носочки.

– Я что, разрешал тебе садиться? – Она даже подпрыгнула от слишком громкого окрика. – Нет? Быстро вставай! Подойди сюда. Достаточно. Правую ногу поставь на кровать.

Настя, пряча глаза и стыдливо прикрывая лицо ладонями, подчинилась. Его рука медленно заскользила вверх, от щиколотки к колену, потом – к внутренней поверхности бедра. Он продвигался осторожно, чертил пальцами разные линии, возвращался назад и снова поднимался.

– Так ты уже на все готова, противная девчонка? – Николай укоризненно, но с довольной ухмылкой покачал головой. – Значит, и белье тебе тоже придется снять.

Он убрал руку, продолжив свои поиски в ворохе вещей.

– Я с-сняла, – прошептала Настя, застревающая на согласных. Она пыталась заглянуть ему в глаза, чтобы дать наконец понять, что терпеть больше не может. С головы до пят ее охватила сладостная дрожь.

– Да? – Он едва взглянул на ее лицо, застывшее в мольбе, на чуть сдвинутые брови, на светящиеся желанием глаза и загадочно улыбнулся. – Лапочка, я тоже тебя хочу, но нам нужно немедленно ехать!

Настя почувствовала себя так, словно ее окатили ведром ледяной воды. Захотелось сжаться в комок, лучше вообще исчезнуть, но только не ощущать себя бестолковым щенком, которого взяли на прогулку, раздражили, а потом посадили на поводок. Она старалась не выдать своей обиды: кто-то когда-то внушил, что обижаться – глупо. Молча взяла белую шелковую блузку с коротким рукавом, которую он протягивал. Надела. Сквозь нежную ткань явно просвечивала грудь. Но лифчика он не дал. Порылся еще – нашел темно-синюю юбку и такого же цвета гладкие трусики.

– Ну и что мне на ноги с этим надеть? Мы же, кажется, за город – там грязь, дороги плохие. – В голосе дрожала досада, но Николай и ухом не повел.

– Наденешь босоножки. А грязи никакой нет – ты меня обижаешь, – он снизошел наконец до нежного ободряющего взгляда и ласкового, едва уловимого, поцелуя. А потом сосредоточенно занялся набиванием сумки.

У Насти, как всегда моментально, отлегло от сердца. Она уже сама перед собой привычно оправдала его – может, действительно времени нет, а, может, он хочет, чтобы сегодня все было по-особенному. И искусно играет ее возбуждением, намерившись довести его до предела, чтобы потом...

Серебристый «Рено» стоял, загораживая вход в подъезд. Настя улыбнулась. Ну, конечно, ее дорожному Николаю наглости не занимать.

Сумка была отправлена в багажник. Настя села вперед, задев плечом услужливо раскрытую перед ней дверцу: и как только в этом непостижимом мужчине сочетаются галантность и хамство, нежность и безразличие? Николай обошел машину, занял водительское кресло и вставил ключ в замок зажигания. Мотор едва слышно заурчал. Автомобиль тронулся с места и незаметно съехал с низенького бордюра.

– Теперь рассказывай, – Настя пристегнула ремень безопасности и откинулась в кресле.

– О чем? – удивился он.

– Ты уже шесть месяцев мучаешь меня тайной о своем загородном доме. То едем, то не едем – с осени голову морочишь.

– Вот, собрались. Ты что же, не рада? – Голос Николая опять прозвучал раздраженно. Господи, ну что это такое?! Просто рекордсмен по недовольствам.

– Рада, – она повернулась к нему, – но там же вроде все уже давно готово.

– Ну да, – Николай на миг замолчал, задумался, а потом ни с того ни с сего снова разозлился: – У меня желания не было! Достаточная причина? Все время, дурак, чего-то ждал!

– Ладно-ладно, – Настя испугалась, что глупая ссора испортит им всю поездку, – не хочешь говорить – не надо.

Она ласково погладила его по идеально выбритой щеке.

– Просто расскажи, что за особняк ты там построил.

– О-о, – Николай заметно оживился, кажется, даже вздохнул с облегчением, – это грандиозная постройка красного кирпича в стиле ампира с элементами готики и вкраплениями модерна!

– Ну-ну, – Настя засмеялась, – давай-ка остановимся на «красном кирпиче» – в остальном, думаю, ты ни черта не смыслишь.

– Мадемуазель отказывает нам в художественном вкусе и эстетическом воспитании?! Да будет вам известно, что мы – благородных кровей. – Николай уже вошел в раж и дурачился по полной программе. – Наша державная мать преподавала студентам основы коммунизма, а потом стала – кем бы вы думали? – специалистом по художественной культуре и литературе родного края. Так что осторожнее на поворотах, малыш!

– Да-да-да. – Настя улыбнулась, ей тут же передалась веселость Николая. – Поэтому ты, как потомственный знаток «родного края», рассуждаешь о готике и ампире? И где это ты в Москве...

– Ну-у, что значит – в Москве? – перебил ее Николай. – Нам довелось побывать и в лучших странах.

– Москва – не страна, – засмеялась она, – «два» тебе по географии.

– Угм. Но и не город в России, «кол» тебе по социологии.

– Противный ты, – Настя надула губы.

– Зато, в отличие от некоторых, знаю жизнь.

– Ладно, так ты опять о Франции? Франкофил необузданный: вина – французские, машина – французская, одежда – французская. Всю квартиру мне завалил французскими фильмами и книгами. Как только умудрился себе русскую девушку найти?

– Это-то как раз понятно! – Николай отнял правую руку от руля и погладил Настю по колену. – Ты соответствуешь моим представлениям об идеальной француженке, ясно? Только вот любишь по-русски.

– Ну, – Настя от души рассмеялась, по-своему поняв его слова, – если вместо «Николай!!!» в постели тебе приятно слышать «О, Николая!», я попробую.

– Да я не об этом, – он с надрывом вздохнул, – по-русски, значит, до потери мыслей. Эх, не выйдет из тебя настоящей француженки – не хватит такта. Все мысли о постели!

– Ах так?! – Настя сделала обиженное лицо и долгую паузу, но все-таки не выдержала: – Ну, и кто же, по-твоему, «идеальная французская женщина»?

– Это, – Николай задумался, – могла бы и догадаться – Катрин Денев, конечно.

– Ну-ну, – Настя надула губы. – Она тебя старше! И, кроме того, уж точно на пушечный выстрел такого извращенца, как ты, к себе не подпустит!

– Я – извращенец?! – шуточный тон Николая трансформировался в придуривающий визг. – Это я – извращенец?! А кто же тогда, милочка, маркиз де Сад, например? Нежить?

– Все-все, прекрати, – Настя уже просто покатывалась со смеху, – нас ГАИ остановит – подумают, что я водителя насилую, раз он так орет. Маркиз – больной человек, ему можно. Да и чем заниматься в тюрьме, как не писать всякие гадости?

– А-а-а, – Николай сделал страшное лицо. – А за что его в тюрьму сажали?

– Не помню, – Настя пожала плечами.

– Зато я прекрасно помню, только вслух сказать стесняюсь. А ты говоришь – я извращенец. Я – тихий, смирный агнец божий. Мне до де Сада, как до Китая раком.

– Слушай, ну и словечки у тебя иногда проскальзывают, – Настя удивленно покачала головой, – просто неписаное народное творчество, а еще мнит себя человеком образованным, тоже мне «эстетически воспитанный».

– Лапочка, ничего ты не понимаешь! – Николая уже вовсю несло в пустословные дебри. – Вся прелесть современности состоит в смешении и путанице стилей, образований, сословий. Это основная тенденция нашего бодро идущего навстречу неизвестному времени. Филологи ругаются матом, физики молятся иррациональному, аграрии руководят людьми, конструкторы выращивают лук, педагоги торгуют на рынке! Все смешалось.

– Ладно, давай закроем эту тему, – Настя поморщилась. – От твоей социологии меня всегда мутит.

– От чего не мутит? – заинтересованно спросил Николай.

– От книг, – Настя откинула волосы назад и отвернулась к окну, ожидая новых колкостей со стороны не в меру разошедшегося кавалера.

– Ну, конечно, мадемуазель-библиофил, – Николай издевательски ухмыльнулся. – Хорошо, книги так книги. Тебе из французов кто больше нравится?

– Бодлер. – Настя не задумалась ни на секунду, хотя ничего особенного в безумной и даже мрачной поэзии этого француза, который ей еще во времена диплома надоел, не находила. – Как и тебе!

– В молодости я и вправду считал его лучшим. – Николай мгновенно стал серьезным. – А теперь мне плевать.

– Почему?! – Настя обиделась: а она-то так старалась, доставая ему в подарок редчайшее издание «Цветов зла», когда он мельком упомянул об этом увлечении своей юности.

– Неважно, – Николай пустым взглядом смотрел на дорогу. – Бодлер так Бодлер. Ты «Искусственный рай» читала?

– Да, – Настя непонимающе пожала плечами, – но мне не понравилось. Болезни души, проституция, наркотики – пугает все это.

– Дело твое. – Николай окончательно потерял к разговору интерес. – Давай лучше музыку послушаем. Можешь поспать – ехать еще долго.

– Вот так всегда! – Настя даже ногой топнула от возмущения. – Только найдется тема для разговора – и ты все обрываешь! А ехать долго?

– Дол-го. До Вол-ги, – произнес Николай нараспев.

– Да-а-а? – Настя и не думала, что им придется тащиться в такую даль. – И как только тебя в такую глушь занесло?! Поближе к Москве места не нашлось?

– Все, девочка моя, достала! У тебя весь мир – Москва. Ты ничего другого не знаешь и не видишь. – Николай включил радио погромче. – Лучше спи, от греха подальше! Через час разбужу – пойдем поляну для пикника искать.

– Ты что, с собой завтрак взял? – Настя нетерпеливо оглянулась на багажник, не обращая внимания на очередную вспышку раздражения Николая. – Вот здорово! Я дома поесть не успела.

– Взял, – Николай тяжело вздохнул, – я опытный, старый и обо всем заранее беспокоюсь. А ты спи давай, не то опять рассержусь.

– Тоже мне, старый, в тридцать лет, – с улыбкой пробормотала Настя, закрывая глаза и притворяясь, что собирается спать.

Ветер с остервенением трепал пряди ее светлых волос, длинные ресницы трепетали на щеках. Не открывая глаз, Настя протянула руку и нажала на кнопку в двери: стекло уехало вверх, шум прекратился, локоны спокойно легли на плечи. Спать не хотелось, и она, с едва заметной улыбкой на губах, стала думать о Николае.

Несмотря на его тяжелый характер – это все из-за того, что он слишком много работает, – Настя ни на минуту не сомневалась в том, что их встреча – самое главное событие в ее жизни. Все изменилось, все расцвело буйными красками и чувствами, когда появился он. Настя не то что в жизни, даже в книгах и на экране не встречала подобных мужчин. Николай был красив невероятно, даже бессовестно красив. Когда она шла с ним по улице, все девицы оборачивались и провожали их долгими завистливыми взглядами. На нее, Настю, конечно, мужчины засматривались тоже, но она привыкла к этому чуть ли не с детства и предназначенного ей восхищения просто не замечала. Николай же покориł Настю не только своей внешностью. Он был целеустремленный и умный: сделал блестящую карьеру в какой-то там западной компании. Руководит целой дирекцией то ли маркетинга, то ли продаж. И при этом не стал ограниченным придурком, как большинство новоявленных бизнесменов, – разбирается и в литературе, и в кино и в живописи. Просто невероятно! Он сам создал свое состояние, сам добился всего. Он – щедрый и внимательный, услужливый и нежный. И при этом вспыльчивый, эмоциональный, сексуальный, дерзкий. От такого коктейля просто голова кругом шла. А еще у него такой глубокий и печальный взгляд, будто он знает что-то такое, о чем не ведают больше никто.

До появления Николая жизнь казалась Насте скучной бульварной газетенкой, обтрепанные страницы которой перелистывались сами по себе, по воле времени или ветра. Учеба, родители, подруги, блеклые ухажеры, по большей части иногородние педагогические мальчишки, которых она именovala единым метким словом «колхозники». Да и те, которые называли себя коренными москвичами, вполне подходили под это определение: не было в них сказочности, блеска, романтики, даже и не пахло серьезным статусом в жизни, деньгами. Все эти качества, наверное, оседали в МГИМО или еще бог знает где, но уж никак не в педагогическом, где училась Настя. Да и волновало новое поколение только-только вылупившихся на свет мужчин лишь одно: быстро и без проблем затащить девушку в постель. Они и затаскивали. Благо в педуниверситете, тем более на филфаке, никогда не имелось недостатка в пылких девицах. А Настя гордо и с презрительной усмешкой наблюдала за чужими страстями со стороны. Кого-то любили, кого-то бросали, кто-то рыдал, кто-то беременел, кем-то пользовались, кем-то жили. Настя смотрела на все эти спектакли свысока и удивлялась, как можно воспринимать всерьез несуразных мужских чудовищ. Иногда, правда, чертовы страсти задевали и ее, но, к счастью, только рикошетом. Не в том смысле, что она могла сама в кого-то влюбиться – до Николая ей не

нравился абсолютно никто, – а в том, что некоторые психически неуравновешенные субъекты омрачали ей жизнь. Например, Никита. Весь первый курс он не отходил от нее ни на шаг, уживался хвостом, ждал по утрам у подъезда, провожал после занятий, посвящал стихи и преданно смотрел в глаза. Настя злилась на него, раздражалась, просила, чтобы отстал: не помогло.

А к середине второго курса, отчаявшись, Никита окончательно сошел с ума: ввалился с букетом цветов прямо посреди семинара по латыни, упал на колени перед Настинной партой и на глазах изумленного преподавателя и одногруппников произнес пламенную речь. Да еще на английском. Настя уже точно не помнила, что за бред он там нес, но, кажется, это была дикая адаптация Шекспира к реалиям Никитиной жизни. Когда, закончив и склонив перед Настей голову, он положил ей на колени букет и произнес роковое «Я люблю тебя, будь моей женой», она моментально стала пурпурной от стыда и гнева. Никита вместо ответа немедленно получил колючим розовым венком по голове, а Кащенко в ту же ночь – нового пациента с диагнозом «суицид». Больше Никита Петров на факультете не появлялся, говорят, вернулся в родной город, подлечился, устроился там то ли в фирму, то ли на ферму. Что с ним было дальше, как сложилась его жизнь, Настя не знала. Но после того случая весь институт на нее целый год как на прокаженную косился: «Довела мальчика». Ну а что она должна была с ним делать, если нисколько, ни капельки не любила? Потом все, конечно, забылось. Но ни о какой приятной студенческой жизни речи уже не шло: подруги испарились, одногруппники отделились, ухажеры еще больше поблекли. И никто не отважился на долгую осаду смертельно опасных бастионов: с месяц кружили вокруг, а потом бесследно исчезали. И слава богу! К тому времени Настя уже научилась по-своему защищаться: носила строгое выражение лица – немного надменное, с холодной, прилипшей к губам усмешкой. Во избежание. Не дай бог столкнуться еще с каким-нибудь Никитой Петровым.

К пятому курсу Настя оказалась совершенно одна. Сокурсницы уже вышли замуж, многие завели детей, а у нее не то что мужа, даже мимолетного любовника ни разу в жизни не случилось. Ну что поделаешь, если не было любви?! Иногда Настя серьезно думала о том, почему так произошло. И всегда приходила к одному и тому же выводу: не повезло. Просто ей, красивой, умной и строго воспитанной родителями, которые вложили в нее все свои силы, в жизни не повезло. Не нашлось подходящей пары. Как там у Омара Хайяма? Уж лучше одному, чем вместе с кем попало? Трудно поспорить. Она с готовностью примерила на себя выведенную формулу, да так с ней и осталась.

Продолжалось это до тех пор, пока она не встретила Николая. Чуть больше года тому назад, во время государственных экзаменов в МПГУ. В тот день она защищала дипломную работу, в центре которой был Шарль Бодлер, а в качестве довесков – Готье и Сент-Бев. На защите Настя смертельно устала: ее утомляли безумные вопросы доцентов и профессоров, которые, казалось, получали извращенное удовольствие от блуждания в словесных дебрях; ее раздражал сам поэт, подмешавший в свое творчество столько ужасов и грязи, что при чтении накатывала тошнота. И все же Настя говорила с жаром, старалась удивить своими познаниями экзаменационную комиссию. Вопросов задавали много, как же – свет всего факультета, умница, красавица. В завершение рекомендовали в аспирантуру, поставили «отлично» и с напутствием «продолжить научную карьеру» отпустили.

Все. Институт она закончила. И вдруг ощутила внутри себя такую пустоту, словно жизнь прекратилась. Так часто бывает: долго готовишься к чему-то, идешь, а когда это оказывается позади, теряешь точку опоры. Не знаешь, что дальше делать.

И пока на смену прежнему ожиданию не приходит новое, жизнь кажется никчемной.

Настя передвигала ноги на автомате и уже собралась было перейти дорогу, чтобы спуститься в метро, как рядом остановилась темно-синяя иномарка.

– Мадемуазель, вас подвезти?

– Спасибо, не стоит. – Она, не оглядываясь, пошла дальше. Только успела почувствовать досаду на то, что не сработала привычная «защита», видимо, Настя так устала, что забыла о правильном выражении лица. А через секунду девушка услышала, как за спиной заскрипели тормоза и хлопнула дверца автомобиля. Настя прибавила шаг, опасливо оглянувшись.

Мужчина с внешностью кинозвезды, лет тридцати на вид, быстро шел за ней следом. Высокий, темноволосый, с обворожительной улыбкой, с правильными чертами лица. Одет аккуратно и явно недешево. Настя незаметно скользнула взглядом по машине: совершенно новый «Ситроен». Такое ощущение, что только из автосалона.

– Девушка, подождите! – Он сложил руки, словно в мольбе. – Я ж вас не съем. Я вижу, вы устали, давайте подвезу.

– Ну-у, хорошо. – Внимательного взгляда его глубоких и очень печальных карих глаз оказалось достаточно, чтобы Настя засомневалась. А вдруг ей в конце концов повезет? Вдруг он окажется тем самым единственным мужчиной? По крайней мере, таких обворожительных она точно еще не встречала. Они вернулись к машине, он галантно распахнул перед ней дверцу.

– Могу я узнать, как вас зовут? – спросил он, дождавшись, пока она сядет, и склонившись перед ней в изящном полупоклоне.

– Не можете, – пробормотала Настя по привычке и осторожно посмотрела ему в глаза.

– Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?
Тоска, уныние, стыд терзали вашу грудь?
И ночью бледный страх... хоть раз когда-нибудь
Сжимал ли сердце вам в тисках холодной стали? —
продекламировал он ни с того ни с сего.

– Что?! – Настя удивленно вскинула брови.

– Стихи, – пожал он плечами. – Так как вас зовут?

– Анастасия, – в замешательстве пролепетала она.

– Анастасия? – Он на секунду задумался. – А можно просто Настя?

– Да. – Настя, все еще не оправившись от удивления, пожала плечами.

– Ну, не бойтесь меня. Вам понравится, честно.

И ей понравилось. Она потеряла голову, влюбилась по-настоящему первый раз в жизни. Николай ни к чему ее не принуждал, никуда не торопил. Он просто приезжал каждый вечер на своей шикарной машине к ее дому, стоял у подъезда и ждал, когда она спустится вниз. Кино, театры, кафе, долгие разговоры – казалось, он тратит на нее все свободное от работы время и счастлив уже одной возможностью просто быть рядом.

Для человека с финансовым образованием – правда, каким именно, она так и не знала – Николай на редкость хорошо разбирался в литературе. Знал всех французских поэтов, то и дело цитировал Бодлера, упоминал Аполлинера, Рембо, Верлена, Малларме. Настя опомниться не могла от приятного удивления и все нарастающих чувств. Через три месяца знакомства она, смущаясь, бледнея, теряясь и заикаясь (господи, куда же подевались ее надменность и уверенность в себе?!), сказала ему на ушко, что хочет быть с ним. По-настоящему. Николай в ответ так крепко сжал ее в объятиях, что можно было задохнуться. В ту минуту она окончательно поняла, что нашла свою судьбу, своего единственного, лучшего, и пойдет на все, чтобы остаться с ним. Слишком долго ей пришлось искать, слишком трудно далось ожидание, чтобы теперь не ценить любовь.

Но и после ее признания он все тянул, хотя Настя уже просто сходила с ума от нетерпения. Почти целый месяц ушел на поиск съемной квартиры и приведение ее в достойный вид. Бывать дома у Насти Николай наотрез отказался, к себе не приглашал, намекнув, что живет с кучей прибившихся к нему по бедности родственников. Настя подумала тогда, что он

благородный и добрый, раз помогает семье. Ремонт, мебель и все остальные заботы Николай, не задумываясь, брал на себя. Настя, конечно, тоже принимала участие: бегала по магазинам, искала обои, шторы, посуду, но оплачивал и выбирал все неизменно он. У него был прекрасный вкус. Когда Настя переступила порог квартиры после ремонта, то просто ахнула от восхищения. Новенькая светлая квартира, где ей теперь предстояло жить, нисколько не походила на то угрюмое жилище, которое они сняли месяц назад. Стены, мебель, потолок – все сияло изысканной красотой и неизъяснимой нежностью.

Нежностью была наполнена и их первая – ее самая первая – ночь. Николай, казалось, боялся даже больше, чем Настя: медлил, отступал, бесконечно долго целовал и гладил ее дрожащими от сдерживаемого порыва руками, пока она не попросила сама, уже теряя от сладостного возбуждения сознание: «Пожалуйста, ну, пожалуйста...»

Чушь, ерунду говорили бывшие одногруппники о самой первой ночи с ее страхами и болью. Зря понапрасну подшучивал над ее «неприкосновенностью» весь университетский поток. Все это было глупо. Стоило ждать своего единственного, стоило отдать любимому человеку всю себя! Николай сделал ее так сразу и так невыносимо счастливой, что раз и навсегда нашелся старательно прятанный где-то смысл бытия. Для Насти он заключался в нем. В ее ненаглядном Николае.

Она сразу же переехала от родителей, хотя те возмущались и кричали, что не для того берегли и лелеяли свою дочь столько лет. Что не позволят ей жить с кем бы то ни было, как последней дряни, без свадьбы. Настя слушала вполуха и даже не возмущалась: какие они все-таки смешные. Ведь ей уже двадцать один год, она окончила университет, в конце концов, она любит, так какие могут быть запреты? Порадовались бы лучше за нее. Родители смертельно обиделись и целый месяц ничего не желали знать о дочери. Они всю жизнь горбатились для того, чтоб их доченька ни в чем не нуждалась, заботились о ней, баловали, а она поступает так подло – вместо того чтобы по-человечески выйти за состоятельного человека замуж и дать им гарантии на нормальную старость, уходит жить к незнакомому мужику. А Настя уехала и моментально обо всем забыла: каждый вечер, а иногда и всю ночь, она проводила вдвоем с Николаем. Жизнь превратилась в подернутый розовой дымкой, похожий на цвет обоев в ее новой спальне сладостный сон. Словно свитый из наивных девичьих грез. Настя утопала в блаженстве, таком нежном, таком притягательном. Все, о чем она успевала подумать за день: что надеть к приезду Николая и что приготовить ему на ужин. Все, о чем она жалела, – так это что не встретила его раньше. Остальные мысли, даже если и возникали, казались мелкими и ничемными: Настя тут же забывала о них. Ей не приходилось ломать голову над бытовыми проблемами, над денежным вопросом – все блага приходили вместе с ее любимым и оставались, даже когда он уходил. Сама ее жизнь была устроена им, она дышала его мыслями и теплом. Он был единственный. Он был любимый.

Настя даже не перевезла с собой ничего из родительского дома: не хотелось нарушать гармонии, созданной специально для нее. Только книги переехали из прежней комнаты на новые стеллажи вслед за хозяйкой.

Кое-как переломив собственное возмущение, родители возобновили общение с дочерью, чтобы уговорить ее, раз уж замужество пока откладывается, спуститься с небес на землю и хотя бы подать документы в аспирантуру. О работе речи не шло – зачем красивой умной девушке гробиться с утра до вечера в офисе или бог знает где еще? Нужно использовать молодость с толком: найти достойного мужа и создать успешную, красивую и счастливую семью. Да Настя и сама о работе не помышляла: теперь, когда в жизни было главное, казалось невозможным растрчивать время и силы на бессмысленную возню. Любовь стала плотью и кровью ее бытия: ничего не требовалось в дополнение или взамен. Только изредка, подогреваемые родительским гневом, беспокоили мысли о том, что Николай попусту тянет время, не торопится жениться. Хотя, кажется, все к тому с самого начала шло: они любят друг друга, практически

вместе живут, он ее содержит – зарплаты менеджера крупной компании с лихвой хватает на двоих. Настя тяжело вздыхала, пыталась намекать, но говорить о женитьбе открытым текстом не решалась. А Николай упорно делал вид, что смысла ее намеков и вздохов не понимает.

Он не скрывал их романа – знакомил со своими друзьями, водил по театрам, выставкам, ресторанам. И Настя, которая поначалу смертельно боялась, что у него есть жена, – этого вопроса он всеми средствами избегал, отшучивался – успокоилась. Значит, ничего подобного нет. Только однажды, выпив лишнего, он рассказал, что у него была любимая девушка, очень похожая на Настю. Но она давным-давно умерла. Как, при каких обстоятельствах Настя не знала. И не посмела спросить. Его скрытность и нерешительность в отношении свадьбы она приписывала теперь давней душевной ране, которая, видимо, так до конца и не затянулась. Но ей стало ясно, что происходит с ним, отчего грядущие перемены в жизни даются так тяжело и отчего у него такие глубокие и печальные глаза.

Настя гордилась тем, что была девушкой Николая, надеясь в ближайшее время изменить этот статус, став его женой. Не задумываясь, она пользовалась всеми материальными благами, которые из этих ее отношений с Николаем вытекали. Так было естественно, так было верно, так ее учили с самого детства. Взамен ему отдавали трепетную любовь, готовность подчиняться во всем и потворствовать любой, даже самой экзотической, прихоти.

На любовные эксперименты, казалось бы, давно уже вышедший из мальчишества Николай был невероятно изобретателен. Сначала Настя стеснялась его причуд и отбивалась, как могла. Но постепенно, лаской и любовью, он развеял ее стыд без следа – сладострастие взяло верх над разумом. Настя и сама с удивлением ощутила, как становится другим человеком, превращается в чувственную женщину, чья единственная в жизни цель – дарить радость и наслаждение любимому мужчине. Теперь ей нравилось ощущать себя наложницей, нравилось ради него не встречаться с ровесниками, не общаться с подругами, нравилось в любое время быть к его услугам. Весь мир замкнулся на одном-единственном человеке, и Настя, не задумываясь, приняла это женское счастье.

Николай сбросил скорость, машина свернула на проселочную дорогу, заваленную хвоей, сухими ветками и прошлогодней листвой. Шины с явной неохотой выпутывались из лесного мусора и пыли.

– Мы куда? – Настя сделала вид, будто только что проснулась. Даже потянулась и зевнула для наглядности.

– Искать поляну, – Николай внимательно изучал обманчиво ровную поверхность грунта.

– Но тут же кругом лес и комаров, наверное, тучи! – Настя насупила брови.

– Имейте терпение, мадемуазель, – Николай на секунду отвлекся от созерцания прикрытой листьями колеи и слегка щелкнул Настю по носу. – И не хмурься. Тебе не идет.

Через несколько минут впереди показался просвет, и машина, вихляя из стороны в сторону, выкатилась на поляну. Зеленый ковер вокруг был необычайно юным и ярким, а в глянцевах листьев травы весело отражались капельки солнца.

– Выходи! Приехали! – Николай с явным удовольствием вылез из машины и потянулся.

Настя вышла следом и, безошибочно следуя его безмолвному приказу, достала из багажника плед и корзину с едой. Плед был расстелен чуть поодаль, корзинка разобрана.

– Ты что, даже шампанское взял?! – Настя удивленно улыбнулась. – Ничего себе! И что же мы празднуем?

В глубине души в который раз истерически забилась надежда, неотступно преследовавшая ее последние шесть месяцев. Ни разу она не позволила себе высказать ее вслух, но все время напряженно ждала главных слов от Николая. И вот, неужели сейчас?! Может, он так долго готовился к поездке и столько раз откладывал ее только потому, что должен был окончательно решиться? Собраться с духом? Все подготовить в новом доме, чтобы сделать ей

предложение в торжественной обстановке? Настя судорожно сглотнула и незаметно обшарила взглядом карманы его брюк в поисках долгожданной коробочки. Пусто. Никаких характерных бугорков под белым хлопком не наблюдалось. Куда же он ее спрятал? Наверное, все-таки оставил в машине и ждет приезда в коттедж.

– Да, – Николай разлегся на пледе среди фруктов и прочей снеди, как какой-нибудь шейх, – твой дебют.

– В смысле? – Настя подняла брови и обиженно надула губы. Кажется, снова он шутит, когда уже заговорит серьезно? – Ты о чем?

– Да ни о чем! – Николай натянуто рассмеялся. – Сделай мне бутербродик, пожалуйста.

– Да. – Настя по привычке ответила утвердительно, хотя не расслышала ни слова. По выражению лица, по интонациям она поняла, что Николай сейчас и не думал предлагать ей руку и сердце. Обида застилала глаза и притупляла слух. Ну зачем, к чему так упорно тянуть время? Ведь ясно, что они оба созданы друг для друга – он сам не раз это говорил.

– Нас-тя! – Николай приподнялся на локте, понимающе вглядываясь в потускневшие глаза подруги. – Давай я тебе шампанское открою.

– Я не буду! – Она полоснула его взглядом – на большую форму протеста против своего ненаглядного. Настя была физически не способна – и отвернулась.

– А почему бы и нет? – Николай уже раскручивал проволоку на пробке. – В качестве анестезии.

Настя дернула плечом и всю волю сконцентрировала на том, чтобы не выдать подбирающихся к уголкам глаз слез. Все он, оказывается, понимает! Знает, что она ждет от него предложения выйти замуж. Но зачем, почему так мучит и тянет время?!

Николай подливал и подливал в ее пластиковый стаканчик. Настя послушно пила, заедая французскую «Клико» (в отношении вин, как, впрочем, и многого другого, Николай был пижон) бутербродами с копченой колбасой. То еще сочетание, конечно. Но ей было плевать: в очередной раз обманутые надежды комом застряли в горле. Вот уже целых двадцать минут Настя молча сидела спиной к Николаю, разглядывая траву у себя под ногами и прихлебывая шампанское. Любимого это насупленное молчание, кажется, даже не задевало. Ну и пусть!

В траве, за пределами одеяла, разместилось целое царство: суетливо бегали муравьи, покачивались на былинках стрекозы, зависали в воздухе бабочки. Настя подумала о том, что у всех этих созданий невероятно короткая жизнь. И что они успевают почувствовать или узнать? Ни-че-го. В отличие от человека. Ему-то за семьдесят-восемьдесят лет хоть что-то перепадает. А впрочем, если задуматься, и семьдесят лет – пустяк по сравнению с вечностью. Может, и не стоит тратить время на пустые обиды, тоску? Настя украдкой взглянула на Николая. Он полулежал, покусывая травинку, глубоко погруженный в собственные мысли. Вот, опять на работе, наверное, у человека проблемы, а тут еще она со своими глупыми матримониальными мечтами. И потом, на что ей обижаться? Он не обманул, не соврал. А читать ее мысли и следовать им не подвизался. Видимо, нужно будет самой как-то о свадьбе заговорить. Объяснить все. Что ей так неудобно, что родители нравоучениями замучили, что ее по-другому воспитали. Он поймет.

– Хочешь еще чего-нибудь? – Настя с удивлением услышала собственный голос.

– Да, – Николай вздрогнул, словно очнувшись от дремы, и посмотрел ей в глаза.

– Ч-чего? – Настя поймала его взгляд и запнулась на единственном слове.

– Иди ко мне.

Голос Николая был таким нежным и печальным, что она не посмела возразить: встала на колени и подползла ближе. Он осторожно взял ее за плечи и поцеловал. Сначала только едва прикасаясь, а потом медленно обводя языком мягкие, сияющие юной нежностью губы. На мгновение отстранился, снова дотронулся до ее губ коротким жадным поцелуем и снова, снова.

– Настя, ты меня любишь? – Она даже вздрогнула от неожиданности – так странно прозвучал этот вопрос. Не игриво, не весело. Грустно.

– А сам ты не знаешь? – Она посмотрела удивленными глазами и послушно ответила: – Я безумно тебя люблю!

– Знаю, – Николай горько улыбнулся и тут же снова стал серьезным, – но на что же готова ради меня милая Настя?

– Ну, – она лукаво сощурилась и постаралась обратить все в шутку, – могу почистить для тебя апельсин. Или сделать еще бутерброд. Надеюсь, ты оценишь всю глубину моей самоотдачи? Хотя, если уж речь зашла о глубине и самоотдаче, могу...

– Малыш, я серьезно, – Николай прервал ее возбужденный лепет. Желание паясничать и играть пропало моментально под его тяжелым взглядом.

– Ты же знаешь, – медленно произнесла она, – что на все. К чему такие вопросы?

– Хочу понять, как ты относишься ко мне. – Николай прикрыл глаза.

Настя вся напряглась, подсознательно уловив жизненную важность момента. Может, это и была своеобразная прелюдия к тому, чтобы заговорить наконец о браке?

– На все, что принесет тебе радость или сделает тебя счастливым, – с готовностью зашептала она. Так хотелось подтолкнуть его к разговору, приободрить! – И при этом у меня не будет ни капельки сожаления, потому что я действительно тебя люблю.

– Правда? – Николай посмотрел на нее внимательно и серьезно, словно увидел другими глазами. Настя подумала, что вот сейчас, еще немного, и он произнесет долгожданные слова. – Но ты же не знаешь, что обещаешь, о чем говоришь!

– Послушай, – Настя изо всех сил старалась ему помочь, – если бы я знала заранее, о чем речь, мои обещания не имели бы и половины той ценности, которой обладают сейчас. А я хочу, чтоб они были бесценны. Пусть это будет мой подарок, – она чуть не ляпнула «на нашу свадьбу», но вовремя осеклась, – который не просто забыть.

– Бог ты мой! Какая мудрая маленькая леди! – Николай, сощурившись, посмотрел на солнце, сморгнул и снова перевел взгляд на Настю. – Я знал, что не ошибся в тебе.

Потом он собрал в корзинку оставшиеся фрукты, убрал с одеяла пластиковые стаканы. Отставил на траву ополовиненную бутылку и лег, заложив руки за голову. Пробка от резкого движения выскочила, бутылка не устояла на неровной земле и упала на бок. Шампанское с тихим шипением полилось на землю. Настя взвизгнула и схватила бутылку.

– Нет, ты все-таки просто варвар! Лить на землю такое вино!

Она поднесла бутылку к губам и сделала глоток прямо из горлышка.

– Та-а-ак! – Николай недовольно сдвинул брови. – Милая моя, запомни: пьянство не красит дам! И нельзя же, в самом деле, уделять внимание бутылке, когда рядом с тобой мужчина.

Николай показал глазами куда-то в направлении собственной ширинки и подмигнул.

– Не буду, и не проси! – Настя скорчила плаксивую гримасу и надула губы.

– У тебя что, лапочка, короткая память? – Николай вытащил из ее рук бутылку и аккуратно поставил на землю. – А кто обещал «приносить мне радость» и «делать меня счастливым»?

– Ну, я же не думала, что ты начнешь просить о таких аморальных вещах. – Настя продолжала притворно сопротивляться и отталкивать протянутую к ней руку.

– Да?! – Николай изменил тактику и быстро скользнул ладонью к ней под юбку. Настя взвизгнула, но вырваться не стала. – А о чем же еще тебя просить? По-моему, ты просто создана для чего-то аморального.

Его рука с хозяйской уверенностью поднималась вверх по ее бедру.

– Нет, – едва прошептала Настя.

– Да, – уверенно возразил Николай. – Иначе ты не была бы такой прилежной ученицей. Ученицей страсти.

Он сделал паузу и снова указал глазами вниз.

– Я жду.

– Н-нет, – Настя сама не заметила, как возбуждение обернулось дрожью во всем теле.

– Послушай, я уже не шучу! – Николай схватил ее за волосы, намотав их на кулак, и притянул к себе. – Ты же сама этого хочешь. Я вижу...

Настя взвизгнула от легкой боли, которая пробежала по телу сладостной волной от корней волос до пальцев ног, и разжала губы. В тот же миг ее длинные волосы свободно рассыпались по плечам, лицу и белым брюкам Николая.

Пятнадцать минут спустя они уже выезжали на шоссе. Он, спокойный и невозмутимый, как будто ничего не произошло, она – взъяренная в своем бессилии, как львица. Вот это уже было сверх всякой меры! Он дал себя удовлетворить, пролежал десять минут – безвольный – в ее объятиях, а потом встал и, не глядя на Настю, торопливо покидал вещи в багажник, заявив, что нужно срочно ехать. Закатить истерику хотелось невероятно, и у Насти едва хватило сил, чтобы сдержаться. Но она не могла его потерять, а значит, лучше собраться с силами, побороть обиду и перетерпеть. Постоянные перепады от возбуждения к обиде, от надежды к злости, от нежности к раздражению совершенно ее измотали. Настя, опустив спинку кресла, притворилась спящей, а вскоре и в самом деле уснула.

Глава 2

Разбудил ее грохот разъезжающихся ворот. Она открыла глаза и огляделась: высоченная черная стена медленно расплзалась в стороны, образуя зеленеющий проем. Взгляду постепенно открылся узкий кусок бетонной дороги, поле газонной травы, тонкие, едва прижившиеся, деревца и невероятный по смещению стилей громадный дом. Основная его часть состояла из трех этажей, а по обеим сторонам постройки возвышались квадратные башни. Заканчивались они острыми конусами зеленых крыш, в кирпичных телах красовались убогие карикатуры стрельчатых окон. Фасад здания украшало огромное крыльцо, поддерживаемое четырьмя колоннами серого мрамора, из него же была вырублена лестница. Крыша из серой черепицы пожирала солнечные лучи с такой голодной яростью, что Настя, глядя на нее, поежилась.

Она еще раз окинула дом беглым взглядом и с удивлением подумала, что если не смотреть на него по частям и не разбивать на отдельные кусочки, общее впечатление получается приятным. В нем была необъяснимая устойчивость, сила. Всепоглощающая воля к жизни. Настя хотела даже вслух сказать, что дом ей понравился, но обида, которая засела в сердце как клещ – ничем не выманишь, – остановила. Лучше всего дожидаться, когда Николай сам загладит вину.

Ворота образовали необходимой ширины проем, и «Рено» беззвучно проехал по бетонной дороге почти до самого крыльца. Николай открыл дверь и вышел, Настя молча последовала за ним. Она никак не могла отделаться от тяжести на душе, все думала, ждала, когда же любимый обнимет ее, прижмет к себе, попросит прощения. А Николай, казалось, не замечал ее состояния и вел себя так, будто Насти вообще не существовало.

Он застыл перед домом, осмотрел его внимательно от крыши до крыльца, а потом повернулся к Насте и взял ее за руку. Поднял на нее глаза: в них было столько печали, столько раскаяния и вины, что сердце девушки непроизвольно сжалось от внезапно нахлынувшей жалости. Она уже готова была сама его утешать, говорить, что все наладится и страшного ничего нет. Но даже рот открыть не успела: Николай горько улыбнулся и повел ее к дверям – вверх по пологой, но ужасно скользкой лестнице. Краем глаза Настя успела заметить, как за руль их машины сел человек в форменной одежде и «Рено» плавно поплыл по бетонной полынье сквозь зеленую гладь.

Спрашивать Настя ни о чем не стала – откуда и зачем такой размах, сколько в доме прислуги, – внезапная молчаливость и печаль Николая совершенно сбили ее с толку. Кажется, даже не осталось сил и вдохновения на злость. Все внутри сникло, оцепенело.

Тяжелые двери отворились сами собой прямо перед их носом, и навстречу выступил невысокий подтянутый мужчина лет шестидесяти все в той же зеленой форме. Он учтиво поклонился, нарисовал на лице широкую, почти подобострастную улыбку и открыл было рот, чтобы что-то сказать, однако Николай нервно дернулся и жестом остановил его.

– Это Сергей, – кинул он Насте через плечо. – Мой управляющий. Проходи.

Он подтолкнул девушку вперед.

– Куда? – Настя обернулась. Дребезжащие, испуганные нотки в интонациях Николая вызвали у нее страх и отвращение. Она никогда не слышала его таким.

– Наверх, – Николай кивнул в сторону огромной лестницы из тяжелого, покрытого темным лаком дерева. На изгибе ее устроилась небольшая площадка, ровная и гладкая, как крохотный подиум.

Впервые за весь год, что они были вместе, Насте вдруг стало рядом с Николаем по-настоящему страшно. И в этом страхе не было привычной примеси возбуждения: холодность и тоска в любимом человеке давили, словно многотонный пресс. Некуда было деться, невозможно развернуться и уйти: дом в лесу – живое хищное существо – уже поймал ее и запер внутри себя.

Настя едва нашла в себе силы, чтобы унять дрожь, противно расплывшуюся по всему телу, и оглядеться.

На первом этаже расположился огромный холл. И пол, выложенный темной крупной плиткой, и белые стены, увешанные полотнами в тяжелых резных рамах, излучали холод. В искривленном свете, пробивавшемся сквозь причудливый рисунок оконных мозаик, Насте удалось разглядеть картины в стиле Тулуз-Лотрека: там и тут обнаженные женские ножки, взрывающиеся вверх из-под красно-черных юбок, мужские фигуры в надвинутых на глаза цилиндрах, ярость и распутство вечерних улиц Парижа. Ломанные линии, грязно-мутные краски. Мрачное величие пустого пространства становилось только еще более зловещим от этих жутковатых картин. Настя просто не узнавала Николая в помпезной и бессмысленной роскоши дома: ее любимый вдруг предстал перед ней совершенно в другом свете. Такой интерьер мог сотворить только человек хищный, необъяснимый. Иначе откуда столько мрака, нет, даже агрессии. Или дом не его? Ведь все, что он сделал в их квартире, было трогательным и светлым. Милые аксессуары, приятные глазу и сердцу детали.

Николай осторожно подтолкнул Настю к лестнице, заставляя идти наверх. Она бездумно поднялась на несколько ступенек и встала, не зная, куда ей дальше.

– Иди-иди, – нетерпеливо и раздраженно выкрикнул он, – я скажу, когда остановиться.

Настя резко обернулась – хотела было ответить, что не позволит говорить с ней таким тоном, не намерена терпеть дольше этого хамства, – и тут столкнулась взглядом с управляющим, который спокойно стоял, прислонившись спиной к двери. Человек ухмылялся и откровенно пялился на нее, прощупывая взглядом с головы до ног. Настя чуть не задохнулась от злости: как Николай мог такое допустить? Почему не отправляет этого Сергея прочь, не одергивает его? Она отвернулась и побежала вверх по лестнице, решив, что выскажет ему все, как только они останутся наедине.

– Стой! – крик Николая донесся до нее уже на площадке. – Повернись к нам лицом!

Настя и не думала останавливаться, но от ужаса задрожали колени, и она едва смогла подняться только еще на две ступеньки.

– Стоять!!! – Николай буквально задохнулся от крика. – Я сказал, стой спокойно, не дергайся!

Настя окончательно потеряла контроль над собой – слезы брызнули из глаз. Она застыла с широко открытым от беспомощного возмущения ртом, боясь пошевелиться.

– Повернись ко мне лицом.

Настя безвольно повиновалась. Сквозь влажную пелену она видела, что человек у двери поменял позу, встав поудобнее и опершись плечом о косяк. Она снова попыталась бежать, подняться до конца наверх, но ноги уже не слушались. Настя с силой зажмурила глаза.

– Спустись на площадку. Вот так. – Николай теперь говорил спокойнее. И голос его, казалось, вздрагивал от боли. – Теперь посмотри на меня.

Веки ее открылись. словно намокшие крылья бабочки вспорхнули тяжелые от слез ресницы. Настя посмотрела на Николая – как он велел – и утонула в бездонных карих глазах, в водовороте чувств: боли, злости, любви.

– Пуговицы расстегни на блузке. – Голос его звучал глухо.

Сложив руки на груди, Николай словно гипнотизировал девушку взглядом. – Только не спеши, помедленней.

Настя не могла оторвать глаз от его глубоких зрачков, она не видела перед собой ничего, кроме внутренней бури эмоций, которая захватила и ее. Глупые пальцы отделились от разума: дрожь и путаясь, они теребили гладкие пуговицы, которые охотно выскакивали из шелковых петель. Лицо ее стало белым как полотно, а руки упорно продолжали работу, отринув и разум, и волю. Пальцы добрались до последней пуговицы и примерзли к ней.

– О-о-о! – Сергей издевательски ухмыльнулся и подался всем телом вперед.

Николай бросил на него испепеляющий взгляд, но не произнес ни слова. Настя стояла в оцепенении, крупные капли катились по щекам и падали на блузку, оставляя после себя прозрачные полосы. Сергей что-то шепнул Николаю на ухо, тот болезненно поморщился, но кивнул.

– Подними юбку, – он отдал приказ и отвел взгляд от Насти. Его глаза теперь сосредоточенно смотрели в пол. Человек у двери застыл в сладком напряжении.

Настя, выпутавшись из паутины зрачков Николая, наконец сообразила, что делает. Ее пальцы оставили в покое края блузки, руки безвольно упали. Она вся сжалась, присела на корточки и, обхватив себя руками, отчаянно замотала головой. Сквозь глухие рыдания были слышны ее неразборчивые слова: «Нет, нет». Николай, испугавшись, подошел к ней, а управляющий отвернулся и с досадой сплюнул сквозь зубы. Николай с трудом поднял Настю с пола, разжал своими пальцами ее судорожно стиснутые руки и повел наверх.

– Пойдем, – он обнял ее за талию. Ему пришлось не просто поддерживать Настю, он буквально тащил девушку на себе.

Коридор второго этажа был похож на холл дорогого отеля:

стены, увешанные репродукциями, задумчивое, неброское освещение и толстый ковролин на полу. Николай пинком распахнул одну из дверей и подхватил начавшую оседать на пол Настю на руки.

В себя она пришла только в постели: нервный шок, сковавший разум, медленно отступал. Николай, склонившись над ней с намоченным холодной водой полотенцем в руках, сидел рядом. Как только Настя подняла на него глаза, он тут же отвел виноватый взгляд.

– Теперь это твоя комната, – заискивающей скороговоркой затараторил он. Господи, как эти плебейские интонации на него не похожи! – Вот шкаф, туалетный столик, там дверь в ванную. Все необходимое есть. Очень удобно.

Настя попыталась его прервать, но ее вдруг затрясло в истерике, маленькие кулачки бессмысленно заколотили по его твердой груди.

– Не надо, – Николай попытался дотянуться ладонью до ее макушки и погладить, – ничего уже не изменишь.

Настя отпрянула от его руки словно от змеи, нет... от склизкого подвижного клубка дождевых червей из утреннего сна – она вспомнила наконец, что именно ей снилось! Неужели сон был предостережением, которого она не сумела разгадать? Жестоким, вьедливым предостережением от уже совершенных ошибок.

– Малыш, – Николай поймал длинными пальцами ее влажные дрожащие кулачки и с тоской посмотрел девушке в глаза, – ты умная девочка. Не мне тебе объяснять, что рано или поздно за все в жизни приходится платить.

Настя возмущенно вскинула брови и отняла свои руки. Она хотела выкрикнуть: «За что?! За свои чувства, за преданность?» Потом поняла, что и это тоже он имел в виду, а еще ее беззаботность, несамостоятельность, готовность, не задумываясь жить за чужой счет. Настя спрятала в ладонях лицо и разревелась. Ее трясло от тяжелых, изнутри разрывающих сердце слез и ледяного страха в груди.

– Я б-б-боюсь, боюсь тебя, – только и смогла выдавить она.

– Боишься?! – Глаза Николая стали бычьими, покраснели от злости. Он вскочил с кровати и начал расхаживать взад-вперед по комнате. Голос его задрожал от необъяснимой злобы. – Странно! Раньше была такая смелая – я же не вызывал у тебя никаких опасений. Ты толком не знала, чем я зарабатываю на жизнь, где живу, с кем, почему не хочу знакомиться с твоими родителями. Тебе было плевать, лишь бы я доводил тебя до самозабвения в постели и обеспечивал твою жизнь.

– Н-нет! Нет! – слова ее тонули в потоке слез.

– Да, Настенька, да! – Николай кричал. – Ты – милая славная девочка – оказалась жадной до секса и денег, как все остальные! Ты использовала меня – не без моей инициативы, конечно, – теперь мой черед.

– О чем ты? Я т-тебе верила, я любила! – Настя говорила с лихорадочным жаром – ее трясло, а по всему телу от сердца расплзалась навязчивая боль. Из всех возможных чувств осталось только отчаяние. Она уже не могла понять не только того, что творится вокруг, но даже и того, что сама ощущает. Ее мутило от испуга, от ненависти, но ей по-прежнему была невыносима мысль о потере самого дорогого и желанного в жизни – ее Николая.

– Любила? Больше – нет?! – Он присел на край постели и посмотрел на девушку долгим пристальным взглядом. – Милая моя, еще и двух часов не прошло с тех пор, как ты обещала сделать для меня все, что угодно. И исключительно благодаря своей безумной любви. А теперь, когда мне понадобилось это самое «все», закатываешь истерики. Хочешь отставить?

– Н-нет, – Настя, обессиленная, уронила голову на грудь, съежилась, как побитый щенок. Ее слова глухо прорывались сквозь слезы: – Но так нельзя! Что ты вытворяешь?! Я хочу знать, что произошло!

– Успокойся, – он взял ее за руку и притянул к себе. Настя послушно, не соображая, что происходит, прижалась к нему, – просто пока ты не знаешь, во что мы с тобой с самого начала играем. Но ты обязательно поймешь, ты же умница.

От темных жестковатых волос Николая пахло свежей травой и ветром, к этим запахам примешивался слабый терпкий аромат каких-то незнакомых, чуть слышных духов. Он дотронулся губами до ее шеи, едва коснулся мочки уха и нежно поцеловал в лоб. Она опустила голову на его плечо и закрыла глаза. А потом почувствовала, как боль отступает. Может быть, дело действительно в сложной игре, которую он затеял, а ей временно отвел тяжелую, но нужную роль. Вдруг она, Настя, понадобилась Николаю как приманка, а Сергей вовсе не управляющий, а его партнер по бизнесу? Такой партнер, которого нужно убрать с дороги. С помощью Насти. Но попросил бы по-человечески, объяснил все как есть! Ради любви Николая, ради того, чтобы прожить с ним всю жизнь, она бы наверняка согласилась!

– А теперь ты будешь хорошей девочкой, ладно? – Николай погладил ее по шелковистым волосам. – Приди в себя, успокойся. Мне очень нужно, чтобы к вечеру ты хорошо выглядела и была полна сил. Обещаешь? Ради меня.

Все ее предположения в одну секунду подтвердились. Но почему было заранее все не рассказать? Зачем попрекать деньгами и устраивать скандал, если нужна ее помощь?! Да, наверняка аморальная, гадкая, но ради его карьеры и своего женского счастья Настя готова на все.

– Ах да, – продолжил Николай как ни в чем не бывало, – тут в шкафу замечательное вечернее платье. Все остальное в ванной комнате за этой дверью, о'кей?

Настя приподняла голову, заглянула в его глаза – в них были обычные, так хорошо ей знакомые тепло и нежность.

– Не знаю, – она осторожно дотронулась рукой до его щеки.

– Еще кое-что – у нас будут гости, – Николай на ее «не знаю» внимания не обратил, – ужасно серьезные и важные люди. Постарайся понравиться им.

Он помолчал некоторое время, потом тяжело вздохнул и слабо улыбнулся. Нежным поцелуем прикоснулся к ее губам и отстранился. Встал, оглянулся с какой-то особой нежностью, словно этот взгляд был последним перед долгой-долгой разлукой, и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Настя чувствовала себя отвратительно. Неожиданный перелом в поведении Николая оказался для нее тяжелым, поразившим весь организм вирусом. Он отзывался тяжелой ломотой в теле и острой болью в висках. Картина собственной жизни, яркая и счастливая, разлеталась в труху. Получается все не так, как ей казалось, не по велению чувств: Николай считал каждую

копейку, потраченную на нее, упрекает теперь своим временем, вниманием, деньгами. Боже, как унижительно! И что он затеял?

Еще больше сбивали с толку привычные ласковые взгляды и нежность. Если он просто хочет ее помощи и поддержки в каком-то, пусть даже нелегальном, деле, неужели нельзя было этого объяснить, подготовить ее заранее?! Он же знает, что отказать она не сможет: слишком сильно, до потери разума, любит. Настя вытерла мокрые щеки краями блузки и встала.

На ватных ногах подошла к окну: вид со второго этажа открывался красивый. Внутренний двор был весь усажен молоденькими яблонями и грушами. Дальнюю часть юного сада занимал ряд железных гаражей, аккуратно прижатых к черному боку заграждения. Из-за высокой стены ограды было плохо видно, однако, судя по всему, владения эти заканчивались прямо на обрыве – сразу за верхним краем стены виднелись только голубоватые воды реки. Противоположный берег был так далеко, что его силуэт едва вырисовывался за голубизной широких вод. Но день стоял на удивление погожий, и можно было разглядеть, что в отличие от крутых обрывов этой стороны противоположный берег пологий. Волга поражала широтой своего серебристого покрывала, волнуемого каждым порывом легкого летнего ветерка; она удивляла разительностью контраста: крутизной правого берега и ровностью левого. Настя долго смотрела на это непонятное смещение, созданное природой, и думала о Николае. Одно она знала точно – никогда он не будет для нее тем же, чем был до сегодняшнего дня. Но и забыть его, похоронить свои чувства она не сможет. Настей вдруг овладело полное безразличие к себе и своей судьбе: захотелось от всего отрешиться, плыть по течению – неважно, что будет хуже, пусть бросает то на глинистые отвесные стены, то на желтый пляжный песок. Женщина потому и женщина, что должна подчиниться воле своего единственного мужчины. С природой не поспоришь.

Она отвернулась. Какое-то время бессмысленно бродила из угла в угол, потом открыла дверь, на которую указывал Николай, и оказалась в просторной ванной комнате. Шум льющейся воды всегда успокаивал – Настя повернула вентиль крана и стала смотреть, как белоснежная емкость наполняется прозрачной голубизной.

Через час на столике возле кровати зазвонил телефон.

Мужской голос вежливо сообщил, что гости собрались и с нетерпением ждут появления хозяйки. Сил удивляться уже не было. Хорошо, пусть будет хозяйка – маленькая и глупая «хозяйка большого дома». Нужно будет просто потребовать побольше вина к ужину и надраться, чтобы не изводить себя мыслями о том, «как быть», «как разлюбить» и «почему все катится к чертям». Николаю плевать на ее чувства и состояние – ей не должно быть дела до его непонятных интересов. Да, ясно, что он собирается использовать ее, очевидно, что это нужно для карьеры, но пока он не объяснит все по-человечески, она и пальцем не пошевелит. А если не объяснит? Она же по-прежнему хочет за него замуж, и, кажется, на любых условиях. А потому вынуждена будет помочь. Настя сама себя не узнавала – после того, что сегодня произошло, ее должно было тошнить от одного только слова «Николай»: он же сам доказал, что никакой он не «принц», а, значит, как и все вокруг, заслуживает безразличия. Но вместо этого она ощущала покорную безысходность и жалость к себе. И еще – неспособность разрубить этот гордиев узел, плюнуть на все и уйти. Да и куда ей сейчас? Она всего лишь за год попала в абсолютную зависимость от любимого мужчины: без него негде жить – вернуться к родителям и признать поражение невозможно, нечего есть, не на что одеваться и самое главное – некого любить. Все чувства и переживания наполнены только им. Если он уйдет, что останется ей, кроме болезненной, отрешенной от всего мира пустоты?

Настя, все еще завернутая в банное полотенце, тяжело вздохнула и, сев перед зеркалом, начала приводить себя в порядок.

Потом встала, открыла дверцу шкафа и извлекла оттуда платье. Едва взглянув на него, помимо воли улыбнулась и грустно подумала, что у человека с таким божественным вкусом не может быть черствого и злого сердца. Платье было чудесным. Белый рельефный, довольно

тяжелый материал напоминал на ощупь парчу. Покрой поражал простотой и изысканностью: никаких лишних деталей, все великолепие – за счет изящества и правильности линий. Настя скинула влажное полотенце, сняла необыкновенный наряд с плечиков и, расстегнув «молнию» сзади, осторожно надела. Ткань была ласковой и приятной на ощупь, она нежно обнимала тело, словно успокаивая и усыпляя. Насте всегда нравилось так жестоко выбитое у нее сегодня из-под ног ощущение безмятежности и покоя. Она привыкла к нему. Сначала родители ограждали ее от всех проблем, потом Николай: Насте никогда ни о чем не приходилось волноваться. Все решали за нее. Она постояла, разглядывая себя в зеркале, охваченная теплом и негой, потом завела руки за спину и застегнула «молнию». Платье сидело великолепно, плотно обтягивая стройную фигуру и выгодно подчеркивая нежные линии бедер и груди. Настя ощущала себя в нем королевой.

В шкафу она нашла еще и туфли, такие же новые и белоснежные, как платье. Только ни нижнего белья, ни чулок обнаружить не удалось. Ее собственные трусики явно не подходили: темно-синего цвета, они бы просвечивали сквозь белую ткань, а принести сумку с вещами из машины Коленька, конечно, не догадался. Настя почувствовала себя неловко. Но не успела она как следует обдумать, что же делать и стоит ли вообще спускаться вниз в таком виде, как в дверь постучали.

– Да? – Настя вздрогнула от неожиданности.

– Мне можно войти? – Голос Николая был совершенно чужим и отстраненным.

– В чем дело? – Настя задала вопрос грубо, с раздражением. Ей была противна эта двуличность: сначала он приказывал и распоряжался, теперь пресмыкается и смиренно просит разрешения войти. Однако Николая ее резкий тон, судя по всему, не волновал ничуть.

– Настя, нас ждут внизу. Прошу тебя, заканчивай со своими приготовлениями и спускайся. Надеюсь, ты нашла все, что нужно.

– Нет! – Настя говорила, превозмогая головную боль. – Для нормальной человеческой уверенности в себе мне не хватает самой малости – трусиков и желательного лифчика!

В ее голосе отчетливо прозвучали капризные нотки. Но Николай упорно не желал замечать Настиного недовольства.

– Боже мой, солнышко, ты же не будешь ханжой и не испортишь нам важный вечер из-за отсутствия пары дурацких тряпочек. Ну, извини, забыл. Выходи, пожалуйста. Ты мне очень нужна!

Для чего именно «нужна», Настя допытываться не стала. Голос любимого по-прежнему делал из нее преданного щенка. Еще раз взглянув на себя в зеркало, она провела расческой по волосам и отворила дверь.

Вниз они спустились под руку: Николай услужливо предложил ей локоть, чтобы она в своих туфлях на высоченных каблуках не оступилась и не свалилась с лестницы. Настя судорожно вцепилась в его руку, боясь упасть. Голова все еще болела и немного кружилась.

Настя огляделась и с трудом узнала холл, который видела совсем недавно. В дальнем углу появился массивный обеденный стол, рядом – шесть мягких стульев и большие бронзовые подсвечники, расставленные по двум противоположным углам. Неясный пляшущий свет множества свечей оставлял на стенах причудливо дрожащие тени. Окна оказались затянуты тяжелыми темными портьерами, электричество выключено.

За столом уже сидели трое мужчин – все одетые в костюмы. Полумрак и прямые молчаливые фигуры за столом придавали обстановке схожесть с мрачной атмосферой средневекового замка. Николай подвел Настю к столу и начал знакомить с гостями.

Мужчины галантно поднялись, и он представил их своей спутнице. Первый – Олег, высокий и худой, – выглядел лет на сорок. Второго Николай назвал Стасом. Этот был лет на десять моложе и оказался гораздо симпатичней. Его немного смущенный взгляд чем-то понравился Насте. Последнего Николай представил как Сергея Сергеевича. Настя подняла на него глаза и

застыла, словно изваяние, – перед ней стоял «управляющий», который всего пару часов назад наблюдал за ее принудительным стриптизом и позорной истерикой. Она сделала над собой усилие, стараясь ничем не выдать внутреннего отвращения. На лице появилась болезненная гримаса. «Управляющий» в ответ и бровью не повел – он словно впервые ее видел и широко скалился, активно демонстрируя радость по поводу приятного знакомства. Сколько Настя ни пыталась убедить себя в том, что от страха ошиблась, ей это не удалось.

Николай выдвинул для Насти стул, и вся мужская компания села, последовав ее примеру. Стол уже был накрыт. За гостями ухаживал Стае – разливал вино, подавал блюда, менял приборы. Вел он себя скованно и даже немного нервно, словно попал не в свою тарелку. О Насте все на время забыли, и она тихо сидела, размышляя о том, что ее сегодня ждет, и уткнувшись носом в тарелку с улитками. В отличие от первого, последнее занятие было вполне конструктивным – длинной, раздвоенной на конце спицей извлекать содержимое из раковины, придерживая ее специальными щипчиками. Есть ей совершенно не хотелось, и она складывала маленькие серовато-белые комочки на тарелку, каждый раз выдавливая на образовавшуюся горку сок из лежавшей на тарелке четвертинки лимона.

– Настя, а почему вы все время молчите? – Стае посмотрел на нее внимательно и чуть виновато. – Вам не интересна тема разговора?

– Простите, я не слышала, о чем речь, – Настя не ожидала, что с ней кто-то заговорит.

– Ну, вообще-то... – он немного замялся, – вы образованная девушка, мне интересно ваше мнение. Стали бы вы покупать плакат Тулуз-Лотрека за семьдесят тысяч долларов?

Настя чуть не поперхнулась от удивления. Как-то не ожидала она, что в этой компании принято изъясняться с такой уважительной почтительностью и в застольной беседе прицениваться к Лотреку.

– Простите, не знаю. Мне не приходилось думать о подобных вещах. – Про себя она отметила, что ей, к счастью, вообще мало приходилось думать о ценах: раньше оберегали родители, готовя к успешному браку, потом заботился Николай. – Могу только сказать, что работы Лотрека мне нравятся, но пытаться оценить их я не в силах.

– Понятно, – Стае нервно заерзал на стуле, – но если вам нравится, то это уже многое значит. А кого вы купили бы за любые деньги?

Настя удивилась странному вопросу, но все же задумалась, превозмогая немного ослабевшую боль в висках. Только вот зачем он вообще об этом говорит?

– Я не очень разбираюсь в живописи. Другое дело – литература, – Настя, благодаря постоянно опустошаемому бокалу с вином, уже понемногу начала забывать о своем страхе перед Сергеем Сергеевичем и осторожно отвечала на вопросы Стаса.

– Понятно, – он робко улыбнулся, – вы любите стихи Бодлера?

Настя удивленно вскинула брови.

– Ас чего это Бодлер пользуется в вашем обществе такой популярностью? – сама того не замечая, она уже вполне расслабилась в разговоре со Стасом, который показался ей безобидным.

– Что, Николай тоже о нем говорил?! – теперь пришла очередь Стаса удивиться. – Неужели мнит себя такой же тонкой и противоречивой натурой?

Он неожиданно презрительно рассмеялся:

– Настя, вы ему только не верьте, договорились?

– Я не понимаю вас, – Настя разозлилась.

– Боюсь, что очень скоро поймете. – Стае осторожно наклонился к Насте и продолжил: – Вы – прекрасная девушка. В вас такое редкое сочетание ума и красоты, такой искренний блеск наивности в глазах, что я даже не уверен, существуете ли вы на самом деле! Если вы согласитесь выслушать меня...

– Прекратите, – Настя отодвинулась от него, – по-моему, вы забываетесь!

– Простите, – Стае опустил голову, – извините меня. Но слова Стаса приятно действовали на Настю – после того как Николай дал ей почувствовать себя полным ничтожеством, комплименты другого мужчины понемногу отогревали душу. Возвращали уверенность в себе. Еще лучше было то, что Николай мог все это слышать: пусть знает, какая она на самом деле и вообще, может, хотя бы начнет ревновать. Настя решила чуть-чуть пофлиртовать со Стасом, чтобы привлечь внимание Николая. Для того чтобы начать, не хватало только хорошего настроения и храбрости, которые, впрочем, легко можно было компенсировать вином. Напиваться она, конечно, не собиралась, но решила, что немного непринужденности ей не повредит.

Николай внимательно наблюдал за их беседой, а Стае продолжал задавать Насте ничего не значащие вопросы, не забывая при этом угощать гостей и подливать в бокалы вино. Застолье постепенно стало более оживленным: мужчины разговаривали друг с другом, обсуждая какие-то дела, Настя шаг за шагом избавлялась от дрожи внутри и мерзкого чувства отчаяния. Единственным, что мешало ее настроению исправиться окончательно, было присутствие Сергея Сергеевича, на которого она то и дело поглядывала с опаской. Но он, совершенно поглощенный разговором, казалось, даже и не смотрел в ее сторону. Зато Николай все время косился на нее и на Стаса и казался крайне недовольным. И это обстоятельство не могло не радовать Настю.

Ужин закончился, публика переместилась в соседнюю комнату, дверей в которую Настя поначалу даже и не заметила. Комната оказалась проходной – ее широкие стеклянные двери выходили в сад и сейчас были приоткрыты. Сквозь эту щель в комнату пробирался пряный, дышащий летним теплом воздух. Кожаный диван и пара кресел расположились вокруг журнального столика, на котором стоял поднос с маленькими чашками и изящным кофейником, источающим аромат свежесваренного кофе.

Настя уже чувствовала в голове приятное помутнение от выпитого. Ей хотелось уйти с Николаем наверх, прижаться к нему крепко-крепко и попросить, чтобы он сказал, будто сегодняшней день ей просто приснился – от начала до конца. Иногда человеку в голову лезут такие кошмары! И нужно просто правильно проснуться, а потом все забыть. Тогда жизнь вернется на круги своя. Она посмотрела на Николая в надежде, что он сделает ей какой-нибудь знак, уведет наконец с собой. Но когда они встретились взглядами, Настя, к своему изумлению, не увидела в его глазах ничего, кроме плохо скрываемой боли и бессильной ярости. Подумав, что виноваты в этом ее наивные заигрывания со Стасом, она разозлилась на глупость Николая и отвернулась. Дурак! Ведь она-то лишь хотела, чтобы он в правильном свете увидел ее: красивую, желанную, лучшую.

Когда все расселись в креслах и на диване, Настя снова оказалась рядом со Стасом. Он нервничал и почти не смотрел на нее, а она расстроилась из-за того, что не Николай сел с ней рядом. Мужчины, не переставая говорить, закурили. Николай как-то странно посмотрел на Настю: и с грустью, и вопросительно. Увидел в ее глазах обиду и тут же отвернулся, так что она даже не успела заметить, как поменялось выражение его лица. Он попытался спрятать глаза, но через мгновение понял, что никому из мужчин нет дела до его ощущений или анализа душевного состояния по блеску в зрачках.

– Кстати, – прервал мирно журчащий разговор непонятный «управляющий», – у меня идея. Как насчет танцев?

– Сергей Сергеевич, – Стае заметно разволновался, – вы уверены, что все уже готовы? Да и девушка у нас одна. Просто ерунда получается: кто-то развлекается, а кто-то смотрит?

– Неважно, – Сергей Сергеевич ухмыльнулся, – если милая Настенька не возражает.

– Я не против, – Настя испуганно и заторможенно улыбнулась. Алкоголь окончательно одурманил ей голову. Сосредоточившись на мыслях о Николае, она даже успела забыть о страхе перед Сергеем Сергеевичем. Ей и в голову не пришло, что, возможно, и с ним ей придется танцевать.

– Хорошо, – Николай встал со своего места и подал Насте руку, – думаю, мадемуазель не откажет мне в праве быть первым.

– Не откажет, – Настя глупо обрадовалась, ей показалось, что сцена заигрываний со Стасом явно привела к положительным переменам в Николае.

– Что ж, – Сергей Сергеевич весело подмигнул, – сосредоточимся пока на созерцании прекрасной Настеньки и твоей, Николаша, постной физиономии. Но ты учти, долго мы ждать не будем, – последние слова он произнес вполне серьезно, даже и не пытаясь пошутить. Затем коротко бросил, даже не повернув головы в сторону человека, к которому обращался: – Олег, выйди. – Олег тут же испарился. Настя оказалась в абсолютном замешательстве, не понимая, что происходит. А Николай вывел ее на небольшое пространство между стеклянными дверями и кофейным столиком. Маленький музыкальный центр на полке будто бы сам по себе ожил приятной мелодичной музыкой. Николай положил руки Насте на талию, она ему – на плечи, и они стали медленно и плавно кружиться по комнате. Разговоры затихли, можно было подумать, что созерцание мирно танцующей пары гораздо важнее и интереснее всех обсуждавшихся дел. Николай приблизил губы к уху Насти и шепотом спросил:

– Ты готова?

– К чему?! – Настя ответила так же шепотом, сделав круглые от удивления глаза.

– Ко всему. Я как раз о том «всем», которое ты мне сегодня пообещала.

Настя на время задумалась, пытаясь сообразить, чего именно он хочет. После значительной паузы произнесла:

– А ты меня любишь?

Язык у нее уже заплетался, и она призывно смотрела любимому прямо в глаза.

Николай замолчал, закинув голову к потолку и прикрыв веки, словно пытаясь отстраниться от какой-то ноющей боли. Потом решился и произнес хриплым голосом:

– Люблю, – чувствовалось, что каждый звук дается ему с трудом. – Но лучше бы не любил.

– Слушай, мне надоели твои загадки и недомолвки сплошь и рядом, – у Насти с новой силой разболелась голова – теперь уже от вина, идиотских кружений под музыку и нелепых разговоров. – Завтра ты мне все по-человечески объяснишь, а сегодня... – Она поморщилась от внезапного головокружения и приступа тошноты. – Раз я обещала сделать ради тебя что угодно, то свое слово сдержу.

Николай внезапно остановился. Он крепко обнимал Настю за талию, стоя лицом к дивану. Потом переместил руки ниже, на обтянутые тканью бедра, и прошептал совсем тихо ей на ухо:

– Не бойся, – сам он еле заметно дрожал всем телом, словно от холода.

Музыка продолжала играть, заполняя пустое пространство и выскальзывая в щель из приоткрытых дверей – на свежий воздух. Стае едва заметной тенью вслед за Олегом тоже вышел из комнаты и, встав спиной к танцующим у стеклянных дверей, начал смотреть в сад. На диване остался только Сергей Сергеевич.

Настя почувствовала, как ладони Николая сжались, комкая белоснежную материю платья. Девушка даже не успела испугаться – так привычно и сладостно было ощущать его руки на своем теле, – как подол, еще пару секунд назад касавшийся щиколоток, добрался до колен. Настя вздрогнула и попыталась прижать руки любимого к себе так, чтобы они успокоились и прекратили движение. Николай снова наклонился к ней:

– Не надо. Если я для тебя хоть что-то значу – просто подчинись.

Его голос прозвучал устрашающе: нет, он больше не пытался орать на нее, не кричал во всю глотку, но в интонации прослеживалось что-то безысходно мертвенное. Настя в ужасе убрала руки, безвольно уронив их.

Его пальцы продолжали двигаться, собирая платье в неровные крупные складки. Настя перестала дышать и затихла – сердце стучало как сумасшедшее, будто намеревалось выскочить

из груди. Не хватало воздуха, голова кружилась от страха. Подол тем временем добрался до самых ягодиц. Николай ухватил его и неспешным движением переместил массу ткани девушке на талию. Настя попыталась вырваться, ее не пускали. Она колотила кулаками по шее, груди, лицу Николая, пыталась добраться ногтями до его глаз. Николай стоял, намертво прижав ее к себе, только отклонив лицо от мечущихся рук, а с дивана доносились обрывки фраз, которые Настя уже не в силах была разобрать.

– Красивая девочка, – Сергеич от души наслаждался зрелищным, по его заказу сыгранным спектаклем.

– Наклони ее вперед, – отдал он приказ Николаю.

Тот, продолжая правой рукой придерживать платье, отступил влево, а свободную ладонь положил Насте на спину и с силой надавил. Девушка вскрикнула от боли и согнулась. Николай успел подхватить ее за талию, и она кое-как устояла на ногах. В голове шумело, в ушных раковинах разливалось тошнотворное тепло, еще чуть-чуть, и она готова была потерять сознание.

– Детка, ноги расставь, – теперь Сергеич обратился к ней, но Настя не слышала. Шум в голове неуклонно нарастал.

– Ты что, только Николая своего слушаться будешь? Так, милая, не пойдет, – голос наполнился раздражением. – Объясни этой телке, что к чему, – кинул Сергеич Николаю.

– Настя, – тот послушно склонился к девушке и просунул холодную ладонь между стройных ног, – давай, двигайся.

Она не пошевелилась. Николай сам расставил ей ноги и выпрямился, продолжая придерживать бесчувственное тело за талию. Сергеич встал со своего дивана и подошел к девушке сзади, тесно прижавшись мясистыми бедрами, упакованными в дорогие брюки, к шелковым ягодицам. Прикрыл глаза, ощутив подзабытую волну нарастающего возбуждения, и тихо застонал. Его пальцы ползали, щипали, трогали Настины бедра, спину, грудь. Сквозь помутненное сознание девушка чувствовала омерзительные прикосновения повсюду – копошение жирных, пожирающих плоть червей.

По команде Сергеича Николай потянулся к «молнии» на ее спине, расстегнул платье. Извлек тонкое беззащитное тело из вороха перекрутившейся белой ткани и поднял девушку на руки. Голова Насти откинулась назад, глаза закрылись – она была без сознания. Николай отнес ее к дивану и опустил на холодную черную кожу.

– Спиной поверни, – Сергеич, сопя как паровоз, уже расстегивал ремень на брюках.

– Девочка моя, – Николай, переворачивая Настю, бессмысленно бормотал едва слышно и напряженно, как врач, уговаривающий тяжелобольного пациента, отходящего от наркоза, не волноваться, – все пройдет. Заживет до свадьбы.

Настя его не чувствовала и не слышала. Сергеич подошел к дивану вплотную, встал на колени между ног девушки. Николай болезненно вздрогнул и отодвинулся.

– Слушай, а она у тебя красавица! – Сергеич продолжал в исступлении шарить руками по ее бедрам и ягодицам. – А теперь пошел вон! – прохрипел он, нетерпеливо вытаскивая одной рукой пуговицы на ширинке из узких петель.

Николай вслед за Стасом пулей выскочил из комнаты в сад. Мужчины не заговорили друг с другом, не переглянулись – раздраженно разошлись в разные стороны и встали чуть поодаль от двери, словно сторожевые псы, охраняющие покой господина. Резко поднялся ветер. Тонкие деревья чуть слышно стонали, сгибаясь под его напором, а напуганная трава боязливо прижималась к земле и шептала. О чем она шептала? О чем?!

Глава 3

Через пару минут все было кончено. Сергей Сергеевич вышел из стеклянных дверей, сладко потянулся и подозвал помощника.

– Стасик, отнеси ее в спальню. Пальцем тронешь – убью, понял? – И, дождавшись, когда Стае бросится выполнять указание, обратился к Николаю: – Проходи, садись.

Стае осторожно завернул девушку в плед, лежавший в кресле, дрожащими руками поднял ее и вынес из комнаты.

– Так, – Сергеич с удовольствием плюхнулся на освободившийся диван и налил себе остывающего кофе, – я тебя слушаю.

Николай уселся в кресло напротив и положил нервные руки на колени. Выглядел он нелепо, словно проштрафившийся ученик, представший перед лицом директора. Голос прозвучал слабо и неуверенно, словно в горле застрял громадный ком.

– Мне нужно пятьдесят тысяч долларов, – выдавил он, втянув голову в плечи и глядя в пол. Сейчас в нем не осталось ничего от самоуверенного мужчины, в которого была влюблена наивная Настя.

Сергей поперхнулся и закашлялся. Коричневая жидкость неопрятными каплями стекла по подбородку. Тыльной стороной ладони он утер лицо.

– Слушай, девочка, конечно, вполне... Но ты, похоже, совсем зарвался. – В голосе прозвучала угроза. – Раньше всегда было не больше двадцати. С чего ты взял, что я стану так переплачивать?!

– Брось. – Николай наконец взял себя в руки и перестал напоминать затравленного помойного щенка – расправил плечи, вернул глазам привычный наглый взгляд, развалился в кресле. – На этот раз я особенно постарался. Ты же именно такую хотел? Все уши мне прожужжал про «длинные светлые волосы, тонкие черты лица, хрупкую фигурку и невинный взгляд»! Учти, я ее содержал, квартиру снимал, мебель купил – почти десять тысяч вышло. Так что, принимая во внимание качество, практически как всегда прошу.

– Молчи! – Сергей, похоже, не на шутку разозлился. – Это твое дело, что ты там купил. Мог бы не разоряться! Я с тебя еще удержать должен за то, что так долго тянул. Она с тобой больше года была. Какого черта?!

– Да я же для тебя старался! – Николай все больше распалялся, злился и остановиться уже не мог. – Она понятия до меня не имела, с какой стороны к мужику подойти. Зато теперь – будь уверен – все может. Куда угодно и в какой захочешь позе!

– Хватит околесицу нести! – Сергей вытер выступившие на лбу капли пота: похотливое воображение снова разыгралось не на шутку. – Она – красавица и прелесть, но если каждый раз будет хлопаться в обморок, какого черта все это затевать?!

– Не будет, – Николай секунду помолчал, – просто поаккуратнее надо с девочкой – тогда и к тебе привыкнет. А ты как бизон!

– Что-то ты нервный сегодня, – Сергей польщенно хмыкнул, видимо, восприняв «бизона» как комплимент. Потом помолчал и пытливо посмотрел Николаю в глаза. – Отдавать не хочешь? Смотри, за такие шутки можно и нарваться, ты знаешь. Тогда уж точно тебе никто не нужен будет – ни девки, ни денег.

– Успокойся, – Николай отвел взгляд и посмотрел на тени, оставляемые на стене заходящим солнцем, – для меня на первом месте бизнес. Иначе всех клиентов упушу.

– Ох, – Сергей захохотал так, что даже слезы брызнули из глаз, – это ты свое блядское сутенерство бизнесом называешь?! Ну, обнаглели! Одни разговаривают страну под грифом «политика», другие оружие продают под знаком «миротворство», третьи бабами торгуют и зовут это «бизнес». Делом бы лучше занялся! Жиголо!

– Ты... – Николай привстал из кресла, опершись на стол. Глаза его налились кровью.

– Ладно, – Сергей примирительно похлопал его по плечу, – скажешь, как заставить твою ученицу нормально работать, сорок пять тысяч дам. Хоть ты и сволочь редкостная.

– Я?! – Николай окончательно вышел из себя. – Да ты на себя посмотри! С твоими причудами любая баба за год превращается в тряпку. Сколько я уже для тебя девок обучил и что ты со всеми сделал?! Хрен знает как извращался! Может, хоть за такие деньги беречь будешь, инквизитор чертов!

– Хорош учить! – Сергей Сергеевич прихлопнул сверху руку Николая, лежавшую на столе. – Я, кажется, вопрос тебе задал.

– Просто скажешь, – Николай сник, сделал долгую паузу и уперся взглядом в дверь, – что убьешь меня, если не станет делать как надо.

– И это все?! – Сергей снова захохотал. – Да после того как она придет в себя и поймет, во что ты ее втравил, сама готова будет придушить тебя голыми руками.

– Слушай, либо ты мне веришь, либо я забираю Настю и уезжаю! – Николай зло, с тайной надеждой в заблестевшем взгляде, ухмыльнулся. – И ты впредь девиц завоевывать будешь сам.

– Угомонись, – попытался вклиниться Сергей в скороговорку Николая, но тот уже разошелся так, что его было не остановить.

– А я с тобой больше никаких дел не имею – пусть вся Москва узнает о твоих сексуальных причудах: ты же без женщины не выдержишь, по проституткам тут же побежишь!

– Да заткнись ты, болван! Лучше скажи, другой заказ выполнил?

– А? – Николай осекся, что-то с трудом вспомнил и пробормотал: – Да, для твоего приятеля все нашел. Через пару месяцев покажу, сам посмотришь. На чем там этот мужик помещан? Восточная сексуальная практика? Как раз к его юбилею успеем.

– Ладно-ладно, – Сергей недовольно вздохнул, – будем считать, что ты свой полтинник заработал. Иди. Олег с тобой рассчитается, я скажу. И чтоб духу твоего сегодня же в моем доме не было. Проблемы будут – найду.

– Знаю, – Николай уже встал и собрался уходить, но вдруг остановился. – Ты, кстати, зачем этот фарс затеял: форму напялил, двери сам открываешь?

Сергей хмыкнул в ответ.

– Жить скучно стало. Решил посмотреть, как ты выкручиваться будешь. Да и девчонку хотелось увидеть заранее, наслышан был – не терпелось.

– Ясно, – безжизненно улыбнулся Николай.

– Ну-ну, давай, вали отсюда. Профессионал, – Сергей громко расхохотался.

Николай быстрым шагом направился к двери. Возвращаться нужно было сегодня, а до Москвы еще ехать и ехать. Построил этот хрыч себе тайную резиденцию – не доберешься. Хотя и правильно, с другой стороны. С его-то образом жизни.

Как только за Николаем закрылась дверь, Сергей развалился на диване и, прикрыв глаза, размышлял в предвкушении массы новых и острых удовольствий. Девочкой он остался доволен. За такую на самом деле никаких денег не жалко. Давно уже ему хотелось поэкспериментировать, попробовать новые темы, да все не попадалось приличных объектов. А эта Настя заводит с пол-оборота одним своим видом. Сергей тяжело вздохнул. Поосторожней только надо, Николаша прав – его девки за год становятся измученными привидениями с затравленным взглядом. С такими уже и радости никакой.

Сергей повернулся на бок и с наслаждением погрузился в грезы, упиваясь яркими картинками, благосклонно предоставленными ему неутомимым воображением. Все они рисовали одну-единственную героиню в разных позах и состояниях. Его новенькую Настю.

Николай молча забрал у Олега полиэтиленовый пакет с деньгами и сел в машину. Пересчитал. Ровно пятьдесят тысяч долларов. Кажется, такой суммы сразу он никогда еще не держал в руках. Если за год стоимость квартир не слишком изменилась – в девяносто девятом,

когда он искал себе жилье, наизусть знал все цены во всех районах Москвы, – то это приличная трехкомнатная на окраине города. Вот дернул черт связываться с центром! Пустое пижонство. Теперь все в оплату долга, как в прорву. Да еще и счетчик включили: вовремя не смог долг вернуть. Ладно, довести бы деньги в целости до Москвы, можно будет разом все отдать. И жить спокойно.

Машина неслась по шоссе на бешеной скорости. В пакете, небрежно брошенном на переднем сиденье, лежал гарант благополучия – собранные в аккуратные пачки доллары. Вокруг все сгущалась и сгущалась тьма, только дальний свет фар выхватывал из пространства отчетливые серые прямоугольники. Пел Джо Дассен, но настроения это не прибавляло. Николай больше не мог себе врать – он знал, что усталость и острое желание спать тут ни при чем. Ему было жаль Настю. И было еще что-то, кроме жалости, – кажется, чувство вины и отвращения к себе. С этими навязчивыми ощущениями нужно было бороться, не в первый же раз он, в конце концов, отдавал прирученную к себе девчонку, давно пора привыкнуть. Сам виноват – нельзя в таком деле допускать привязанности. И зачем он каждый раз откладывал этот день, пытался вырвать у жизни еще кусок, еще несколько дней. Только хуже стало, а назад ничего не вернешь. Поэтому, что ни говори, а основной задачей сейчас было избавиться от жалости, выбросить из головы все, что напоминало о Насе, и забыть ее, как рассеявшийся сон.

Николай очнулся от мрачных мыслей только через несколько часов, на Кольцевой. Тряхнул головой, пытаясь вытеснить из головы упреки взбудораженной совести, и, бросив взгляд на соседнее сиденье, обругал себя последними словами. Деньги лежат на самом виду, а он носит как сумасшедший, подставляясь на радость гаишникам и... кому там еще по ночам не спится. Ладно, на этот раз каким-то чудом пронесло. Он сбросил скорость и запихал сумку под сиденье. Через двадцать минут «Рено» остановился около подъезда крепкого сталинского дома неподалеку от Старого Арбата. Начинало светать. Машину Николай решил в гараж не ставить – сил уже не было, просто приткнулся поближе к тротуару. Достал пакет. Подойдя к подъезду, нажал на брелок – машина отозвалась, моргнув огнями и ласково пикнув.

Дома едва доковылял до спальни, бросил пакет в шкаф, стянул брюки и плюхнулся на кровать. Последнее, о чем успел подумать, – в понедельник нужно съездить к Меньшову, деньги отдать. Больше тянуть нельзя ни дня.

Дрема навалилась тяжело и быстро. Мелькали обрывочные красно-черные картины, куски, выданные то ли из реальности, то ли из полотен сюрреалистов. Потом пятна соединились в четкую киноленту сна. Теперь Николаю виделись празднично одетые люди за круглыми столиками кабаре, старая деревянная сцена. Перед почтенной публикой скакали располневшие матроны в омерзительно открытом белье, а у картонных декораций вяло шевелились прикованные к стене цепями белые тела. Вскоре музыка стихла, тетки застыли в немыслимых позах, а на сцену вышел человек, одетый в черные брюки и рубашку. Удивительно, как не сочетался его мрачный костюм с безумной пестротой обстановки. Теперь уже Николай наблюдал за действием не со стороны: он обнаружил себя сидящим за дальним столиком кабаре. Вокруг витал густой табачный дым – явно ощущался его сладковатый запах, – шелестели голоса и одежды, звенели приборы. Перед ним стояла тарелка с неясной снедью, горела свеча, в бокале сиял коньяк. Человек на сцене что-то прокричал на непонятном языке, по залу пронесся ропот, публика заволновалась, многие повскакивали с мест, чтобы лучше видеть. Похоже, один Николай не осознал исключительности момента, и оттого ему стало не по себе. Он откинулся на спинку стула и впери в сцену напряженный взгляд. Человек в черном тем временем отстегнул от стены и вытащил на середину сцены одно из сопротивляющихся тел – светловолосую девушку. В бессистемных движениях ее не было ни четкости, ни мысли, казалось, что она либо смертельно пьяна, либо под действием ударной дозы наркотика. Черный едва справился с тем, чтобы поставить девушку на колени – она то и дело норовила свалиться, – и торопливо взмахнул невесть откуда взявшимся в его руках мечом. Публика в напряжении застыла, вытянулись

любопытные шеи. Раздался единый общий вздох, и обезглавленное тело разразилось молчаливым фонтаном крови. Зрители в первых рядах отпрянули. Николай почувствовал, что сердце его колотится в бешеном неровном ритме, в голове помутилось и накатывает тошнота. Он опустил глаза и тут, сквозь kloкочущий в зрачках туман, увидел, что по проходу между столами прямо к нему катится голова. Спутанные пряди окрасились красным, в разрезе до мельчайших подробностей виднелись рассеченные сонная артерия, аорта, тонкие вены. Голова подкатилась к ножке его стула, перевернулась на затылок и открыла глаза. На Николая смотрела Настя. Она узнала его и улыбнулась. Он задрожал, поднял глаза на сцену и встретился взглядом с самим собой – в черных брюках, рубашке, с высоко поднятым над головой окровавленным мечом. В ушах застучало, сердце взбесилось. Чтобы не свалиться, он схватился обеими руками за край стола, на котором в тарелке копошились красные плотные клубки дождевых червей.

Николай проснулся в холодном поту так резко, словно его кто-то намеренно выдернул из привидевшегося сна. Сердце колотилось, в висках пульсировала невыносимая боль. Он лежал несколько минут без движения, боясь случайно закрыть глаза, опасаясь даже моргнуть. Потом опустил ноги с кровати и поморщился – каждое движение отзывалось новым приступом боли и тошноты. Нужно было срочно приводить себя в чувство.

Он наклонился над стоявшим рядом с кроватью старинным комодом, выдвинул из него ящик до основания и стал медленно перебирать содержимое. Под стопкой дизайнерского тряпья обнаружили таблетки, спичечный коробок с гашишем и бумажный конверт с остатками порошка. Николай высыпал содержимое последнего прямо на отполированную поверхность комода, извлек из бумажника какую-то дисконтную карту и с ее помощью соорудил две белые дороги.

Не сразу, но голову начало отпускать. Он встал и побрел по длинному коридору на кухню, чтобы сварить себе кофе и что-нибудь съесть. Аппетит вдруг проснулся зверский. Николай прекрасно помнил, что идти всего десять метров, но путь растянулся на километры. Медленно, до безумия медленно сменяли одна другую дощечки дубового паркета, проплывали развешанные по стенам картины. Половину из них он недавно привез с Монмартра, купив сомнительные полотна у никому не известных художников за копейки. Пока неизвестных. Черт его знает, что будет дальше. Его не оставляла надежда, что кто-нибудь из этих бедолаг вдруг появится на страницах сразу всех глянцевого журналов, модных каталогов, станет мировой знаменитостью, и тогда ему, Николаю, посчастливится стать обладателем целого состояния. Такая вот наивная и прекрасная мечта. Пока доплелся до сияющей белизны и стеклом итальянского гарнитура кухни, желание есть пропало. Открыл холодильник, безразлично посмотрел на содержимое, поморщился и тяжело вздохнул. Достал с полки бутылку «Chivas» и безразлично захлопнул дверцу. А потом начались поиски стакана. Хрен их знает, куда они все сразу могли подеваться?! Николай открывал и закрывал кухонные шкафчики, смотрел на полках, потом рассвирепел, выругался, схватил первую попавшуюся кружку и, наполнив ее до краев, тут же жадно отпил. Хорошо, что никто его сейчас не видит – не хватало только заслужить репутацию лоха, хлебющего коньяк из кружки, как какой-нибудь вонючий турист у мерзкого костра в лесу. Хотя нет, эти пьют разбодяженный спирт. Николай пожегся, опустился на стул и уставился в окно. Думать не было сил, куда-то идти или что-то делать – тоже. Он тупо сидел, не выпуская из рук кружки и бутылки, то и дело подливая себе спиртное. Пару раз, перед тем как подлить, забывал отхлебнуть – жидкость сочилась по пальцам, переливаясь через край. На светлом полу оставались неопрятные прозрачно-коричневые капли. Наконец он смог встать, сунул опустевшую бутылку в мусорное ведро и прошлепал с кружкой в кабинет. Нужно было проверить почту.

Подключиться к Интернету с первого раза не удалось – вечная история: как выходные, ни черта у них толком не работает. Попробовал соединение снова – на этот раз повезло. Только скорость была хуже некуда и странички открывались до умопомрачения медленно. Это ужасно раздражало. Николай привычно порылся по сайтам знакомств, почитал новые анкеты «деву-

шек, ищущих друга». Обычный дегенеративный бред: «Хочу, естественно, любви», «Ищу, само собой, состоятельного», «Бедных, нервных, сирых, женатиков просьба не беспокоить». Николай криво усмехнулся – по всем заявленным искательницами приключений параметрам он подходил. Не бедный, не женатый, и так дальше по списку – бла-бла-бла. Выбрал парочку более-менее вменяемых на первый взгляд объявлений, накропал сентиментальных писем, не забыв присовокупить к ним свою фотографию десятилетней давности. Проверил на предмет непрочитанных сообщений почтовый ящик, без энтузиазма взглянул на присланные изображения и окончательно загрустил.

Вообще-то на Интернет надежды всегда было мало: девочки попадались либо страшненькие, либо маленькие, и всем позарез требовался скучающий принц на белом коне. Были, конечно, еще проститутки в невероятных количествах, но с профессионалками он дело заведомо не имел. Их потрепанный вид и усталый, лишнего всякого блеска взгляд отпугивал его требовательных клиентов еще на подходе. Они, конечно, за деньги что угодно вытворят, но его работа заключалась не в этом. Никогда, ни при каких обстоятельствах, не был он сутенером. Он был учителем страсти. Знакомился с юными чистыми созданиями и под грифом любви обучал их всем премудростям плотских утех. Кого, чему и как учить, заранее обговаривалось с клиентами, сообразно вкусу каждого. Затем Николай находил подходящую девицу, соблазнял ее, готовил и только потом передавал хозяину. Клиенты требовали «чистых» девочек: чтобы без прошлого, без наркотиков, без болезней и прочих неприятных вещей. Большинство, кроме внешних данных, обращали внимание на душевные качества, на присутствие мысли. Кому из взрослых состоявшихся мужиков приятно совокупляться с созданием не умнее овцы? Бывает, конечно. Но надоедает слишком быстро: такая тебя ни выслушать не сможет, ни разговор поддерживать, ни пожалеть.

Для начала девчонок, по обыкновению, запугивали, где не помогало – запирали. После этого они становились как шелковые и не пытались «искать правды», даже надоев хозяину и получив вольную.

В общем, прибыльное нормальное дело. По крайней мере, в отличие от многих он не убивал, не торговал наркотиками или оружием, не уничтожал и не разорял целые заводы ради личной наживы. Наоборот, всем приносил добро: пожилым мужикам доставлял последние, может стать, предсмертные радости, молодых девчонок обучал и готовил к взрослой жизни. Нельзя же до седых волос оставаться наивной дурочкой и не снимать розовых очков. Нужно знать реалии жизни. Понимать, что в этом мире почем. Единственное, в чем он старался себе не признаваться, – эта самая «реальная жизнь» опротивела ему так давно и окончательно, что хотелось выть...

С того самого времени, как умерла его Майя, он ни разу не был по-настоящему, по-детски счастлив. А прошло уже одиннадцать лет. Случались, конечно, короткие яркие вспышки, особенно много их было за последний год – он даже подумал было, что влюбился в Настю, оттаял, но потом все бесследно ушло. Все равно она была не такая – добрая и бескорыстная, – как Майя. И потому от общения с Настей иногда накатывали на Николая тоска и одиночество. Интересно, а она полюбила его по-настоящему или, как и все, попала на крючок красивого образа жизни, который он создавал?

А тогда, в юности, звенело безумное счастье и длился нескончаемый полет. Им с Майей было всего по семнадцать лет, оба оканчивали школу и ни дня не могли прожить друг без друга. Вместе утром, за одной партой на уроках, вдвоем до самой ночи. От одного взгляда на Майю Николаю становилось горячо, накатывала такая нежность и такое возбуждение, что никакими силами его нельзя было удержать. Да они и не сдерживались. Весь крошечный подмосковный город знал об этой трогательной любви – стоило только взглянуть на сияющую вечным праздником пару. Знали все, кроме их родителей. Тем в тот период было не до заигравшихся во взрослую жизнь детишек: мать Николая была занята разводом с алкоголиком-отцом;

Майя, родители которой уехали работать за границу, жила со старенькой бабушкой. Учителя пытались как-то вмешаться в отношения ребят, поговорить с ними, но они не желали никого слушать, неизменно отвечая, что давно все знают о взрослой жизни и уже готовятся к свадьбе. Что-либо доказывать юной паре оказалось бесполезно. И от влюбленных отстали.

После школы оба поступили в местный филиал финансового института, проучились почти год, и Майя вдруг забеременела. Совершенно неожиданно, случайно: Николай даже не мог понять, как это произошло. Он-то прекрасно знал, что если вовремя вынимать, ничего страшного не случится: все старшие товарищи в один голос так говорили. Он и старался – осечки не было ни разу, и вдруг! Тогда ему даже в голову пришло, не путалась ли его ненаглядная с кем-нибудь другим, но эту мысль он быстро отбросил. Они же не расставались ни на минуту! Только его мать, перегруженная делами, кажется, не заметила, что Майя уже практически переехала жить в комнату сына – в то время, как все в городе давно об этом знали. Зато когда родственнички получили весть о беременности, такое началось! Ни о какой свадьбе не могло быть и речи. Все вокруг твердили про деньги, учебу, загубленную жизнь. Николай не понимал. До тех пор, пока мать не сообщила ему, что раз уж они стали достаточно взрослыми для того, чтобы делать детей, то и кормить-содержать будут своих чад сами. Прилетела из Германии мама Майи, накинулась с претензиями на его родителей: «Куда смотрели? Как допустили?» В ответ получила наотмашь: «Нечего было ради денег дочь бросать». Поссорились насмерть. Счастливая любовь двух юнцов превратилась в адскую вражду семей. Майя плакала дни напролет. Николай угрюмо молчал. Родственнички с обеих сторон, каждый по-своему, наседали, требуя сделать аборт. Время шло. Ребенок в животе Майи рос. И Николай решил, что настало время действовать.

Если хочешь спастись от родственников и спрятаться так, чтобы тебя никто не нашел, нужно уехать в Москву. Это ясно и пятилетнему ребенку, а Николаю было без двух недель девятнадцать. Он собрал институтский рюкзак, Майю и поехал на железнодорожную станцию. Новоявленный глава семейства, не имеющий ни малейшего понятия, где и на что жить, решил спокойно родить ребенка вдали от родни. Без криков и без скандалов.

Дальше было самое тяжелое лето в его жизни – об этом Николай после запретил себе вспоминать. А в начале осени, темной и по-южному душной ночью, он слишком долго не мог найти телефон, чтобы вызвать «Скорую»: в старом бараке под снос, где они жили, не было даже света. Пришлось бежать, задыхаясь, три квартала, пока не попался первый телефон-автомат.

Майю спасти не успели – что-то там произошло непоправимое. Не выдержал истощенный бездомной жизнью и ослабленный беременностью организм. Зато ребенок – мальчик – выжил. Николай изо всех своих сил желал, чтобы было по-другому. Наоборот. Но что он мог сделать, кроме как бессмысленно, беспрестанно выговаривать свою боль вслух и страдать?! И то ли он слишком тихо произносил дрожащими губами слова молитвы, то ли Москва не самое частое и любимое пристанище Бога – Всевышний его не услышал. С первого попавшегося почтамта Николай отправил телеграммы с адресом злосчастного роддома своим родителям и родителям Майи, истратив на это последние, заработанные на продаже разного хлама в метро деньги, и ушел в неизвестность, бесследно затерявшись в огромном городе. Тогда Николаю требовалось только одно: скрыться. Раствориться. Забыть.

Голубой монитор компьютера давно погас, сменив чернотой с логотипом Windows пошлые сердечки и глупые сообщения очередного сайта знакомств. Хотелось удавиться, глядя в глубокую черноту экрана. Николай раздраженно ткнул курсором в кнопку «завершение работы», встал из-за стола и подошел к книжным полкам. До боли хотелось не думать ни о чем. Но то ли виски и кокаин были ни черту, то ли напряжение нервов оказалось за крайней чертой – ни наркотик, ни алкоголь не возымели спасительного эффекта. Снова трещала голова, опять вернулись мысли. Во что бы то ни стало нужно их подавить. Он пробежал по корешкам книг глазами, думая, что выбрать. Взгляд случайно упал на старый, порядком потрепанный

том, и Николай задрожал перед ним так, словно неожиданно окунулся в ледяную воду. Это было издание Бодлера 1926 года. Удивительно, как Настя умудрилась его добыть! Однажды Николай проговорился, что лет с пятнадцати до восемнадцати Шарль Бодлер был в его понимании единственным стоящим поэтом. Потом стало не до лирики. На следующий день Настя преподнесла ему в подарок вот это. Первый том полного собрания сочинений Шарля Бодлера. Николай не без содрогания извлек книгу из надежных тисков размещившихся рядом новых, в твердой обложке, томов. Раскрыл. На него смотрело спокойное лицо некогда любимого поэта. Николай и Майю в свое время приучил читать его стихи, объясняя каждую строчку. Кажется, она не до конца понимала и не разделяла его взглядов, но всегда благодарно слушала до последнего слова. Ч-черт!

Николай прирос к полу, впившись взглядом в портрет на обложке. В глазах поэта так явно читались смертельная усталость и тоска, что становилось не по себе. Заложенная за обшлаг куртки рука придерживала грудь, словно не давая беспокойному сердцу выскочить вон. «Цветы зла», Париж, издательство «Кальман-Леви». Николай с ранней юности считал, что в глубине души и сам чем-то похож на поэта. То ли осознанием несправедливости и враждебности бытия, то ли тайным, с детства проснувшимся любопытством к исследованию порока, то ли неизвестно как перемешавшимся с лирикой цинизмом. Наугад раскрыв дышащий на ладан том, Николай аккуратно придерживал страницы обеими руками, чтобы они не распались на ворох отдельных обтрепанных листков. Местами в книгу были вложены тонкие, похожие на кальку странички – не вошедшие в книгу стихотворения Бодлера, выведенные каллиграфическим почерком. И их тоже Николай когда-то знал наизусть. Настя объяснила, что бывшая хозяйка – старенькая профессор зарубежной словесности, вышедшая на пенсию и вынужденная теперь, чтобы выжить, распродавать свою библиотеку, – больше полвека назад дописала и вложила в книгу «осужденные» стихотворения «Цветов зла», которые были запрещены к переизданию. Ни Насти, ни самого Николая тогда на белом свете еще в помине не было.

Он тяжело вздохнул и прочел первые попавшиеся на глаза, строки. «La Debauche et la Mort sont deux aimables filles...»² – Николай произносил слова медленно, с трудом ворочая языком и едва шевеля губами. Дойдя до конца первой строфы, остановился. Кровь прилила к голове и учащенно запульсировала в висках, все вокруг закружилось. Он пошатнулся, втиснул потрепанный том на прежнее место и, придерживаясь за стену, вышел. Голова опять раскалывалась от боли, на душе было мерзко, тело била дрожь. Читать больше он не мог, жить, кажется, тоже.

Он дополз до кухни, выпил таблетку и побрел одеваться – на шесть вечера была назначена встреча с очередным клиентом.

О том, что в багажнике машины все еще лежит сумка с Настиными вещами, Николай вспомнил только поздно вечером и решил, не откладывая, заехать к ней на квартиру, заодно оставить свои ключи. В Москве Настя, если будет вести себя хорошо, первый раз появится через месяц-два, да и то под присмотром Стаса. То есть когда Сергей будет уверен в том, что она боится достаточно, чтобы не пытаться сбежать. Встречаться с ней еще раз в планы Николая не входило. Паспорт Насти, ее ключи, договор аренды квартиры и контактные телефоны хозяйки были переданы Сергею. А ему, Николаю, оставалось забыть.

Он отпер входную дверь и нашарил в темноте выключатель. Маленькую прихожую залил теплый желтоватый свет. Все вещи вокруг были такими родными и знакомыми, что у Николая невольно сжалось сердце. Фарфоровые куколки с добрыми глазами мирно стояли на единственной свободной полке деревянного стеллажа, до отказа забитого книгами. В приоткрытом шкафу свободно висели Настины пальто и бежевый длинный плащ. Николай как во сне прошел в спальню и опустился на пол прямо у двери. Посмотрел на розоватые стены, на кровать, покрытую такого же цвета покрывалом. Вспомнил, как они выискивали по всему городу эти

² Разврат и Смерть – родные две сестры (фр.).

обои нелепого опенка, который так понравился Насте, а потом решили сами оклеить стены. Зачем он согласился на эту провокацию, он уже не помнил, а Настя говорила, что это – повод подольше быть рядом. В итоге они только зря промучились: все получалось вкривь и вкось. Николай отвез Настю домой, позвонил рабочим, которые до этого выкладывали кафелем кухню и ванную, а сам поехал докупать обои.

Он сидел, поджав колени и уткнувшись в них лицом. В голове мелькали разноцветные картинки – как фотографии в альбоме, который кто-то услужливо, но слишком быстро перелистывал. Лето, парки, клубы, улицы и снова лето. И везде ее лицо.

Он поднялся, приволок огромную спортивную сумку из коридора и поставил рядом со шкафом. Хотел еще вытащить свои ключи от квартиры и оставить на туалетном столике, даже опустил руку в карман пиджака, но потом остановился. Просто выключил везде свет и вышел, захлопнув дверь.

С этого момента жизнь Николая окончательно дала крен. Раньше он запрещал себе думать о прошлом, о сыне, о том, чем он сам занимается. Просто тупо ставил перед собой простые бытовые цели, намеренно придумывал их и уперто к ним шел. Сначала купить приличный костюм и ботинки, потом – машину, дальше – поменять образ жизни: стать завсегдатаем спортивного клуба, модных баров, кафе, еще дальше – купить хорошую квартиру в центре. Нужно было все это ему на самом деле или нет, он не знал. Николай не задавал себе подобных вопросов: поставлена задача – надо к ней идти. Поначалу он пытался работать наемным клерком в только созданном кооперативе, но такой вариант заработка мало что давал. Это раздражало. Нужно было двигаться дальше, двигаться быстро. Чтобы не чувствовать боль.

Зато совершенно ненужные и неинтересные ему девицы – после смерти Майи он сделался одиночкой – вешались на шею целыми гроздьями. С другой стороны, благодаря новомодным клубам-барам-ресторанам начали появляться знакомства среди богатых мужчин. Поначалу Николай старался держаться от них подальше – все они были спекулянтами и торгашами, не хватало ему только проблем с КГБ. Но потом решил, что его опасения как минимум глупы: ему давно уже нечего терять. Идею использовать популярность среди женщин и знакомства среди мужчин подкинул Леха – тогдашний хозяин почти всех, только нарождавшихся платных туалетов в Москве и по совместительству абсолютно непривлекательный плешивый толстопуз. После очередной попойки в какой-то подпольной сауне с проститутками он разнылся, что истосковался по настоящей любви, что порядочные девушки внимания на него не обращают. В жопу пьяный Николай, не задумываясь, предложил ему на выбор брюнетку Галя, блондинку Свету или рыженькую Люду, которые в то время увивались за Николаем хвостом и готовы были броситься вниз головой с любого московского моста ради одного его томного взгляда. Леха заинтересовался. Коленька назвал сумму, а потом, превозмогая отвращение, спутался с выбранной будущим хозяином брюнеткой.

Галя в Николае души не чаяла, а когда через пару месяцев узнала, что любимому грозит смертельная опасность из-за громадного долга и только она может помочь, самоотверженно отправилась к кредитору. С ним она прожила целый год, отрабатывая «долги» Николая, а когда получила «вольную» и на крыльях любви примчалась в квартиру, которую снимал ее ненаглядный, обнаружила, что того и след простыл. На прежнем месте работы о нем тоже ничего не знали. Дальше все завертелось само собой. Научившись выглядеть и вести себя как секс-символ всех времен и народов, девушкам он нравился теперь еще больше, а информация о необычном бизнесе Николая быстро разошлась среди потенциальных клиентов. Николай стал подходить к делу серьезно – начитался литературы по развитию сексуальности у женщин, начал ради нового опыта ездить в Лондон и Амстердам, привозил оттуда всевозможные штучки из специальных магазинов и продавал их в комплекте с девицами за отдельную плату.

Поначалу девушки в его руках только смущенно хихикали в ответ на слишком уж необычные сексуальные требования, а потом, под действием кнута и пряника, втягивались в

эту игру сами. За пару месяцев из обычной девчонки он мог воспитать сладострастную мазохистку, за полгода – женщину-вамп, за год – полноценную гейшу и так далее, на выбор. Вариантам запросов не было предела. Одним словом, бизнес был прибыльный, разносторонний и требовал работы воображения. Временами Николай забывался, и ему даже нравилось. Но с годами становилось все сложнее переключаться, все чаще хотелось побыть одному, только вот ставший привычкой расточительный образ жизни не позволял отказываться от клиентов. Если уж начистоту, за последние пять лет он получал настоящее удовольствие от секса, да и просто от общения, только с Настей. Было ли это зарождением чувств, оживало ли его сердце – Николай думать не хотел. Перед ним стояла очередная бытовая цель: выплатить безумные долги за квартиру. И точка.

Зато теперь, когда Настя из его жизни ушла, накатила такая смертельная тоска, что не могли помочь ни наркотики, ни виски. На несколько часов они снимали напряжение, позволяя забыться, – и все. Николай начал отказываться от новых знакомств – его тошнило от одной мысли о том, что нужно говорить с девушкой, улыбаться, заниматься с ней сексом. Каждое утро, часов в двенадцать, он просыпался в своей постели, одевался и выходил на улицу. Бессмысленно бродил по центру, заходил в привычные бутики, магазины, заглядывал в подворотни и дворы. Он словно что-то искал и никак не мог найти. Часам к четырем пополудни Николай уже чувствовал себя измотанным и усталым – бесцельные скитания убивали его. Он шел в первый попавшийся бар, как правило только-только открывшийся и совершенно пустой. Садился у стойки и планомерно накачивался до бессознательного состояния. Один раз, надравшись меньше обычного, Николай вышел из бара и в приступе алкогольной смелости решил позвонить Сергею. Взял в руки телефон, долго мучился, то набирая, то сбрасывая номер. Наконец, обливаясь потом, все же превозмог себя и нажал кнопку вызова. Через пару долгих вибрирующих гудков ему ответили.

– Сергей, это Николай, – голос его дрожал. – Я узнать хотел, как там...

– Тебе что, заняться нечем? – раздраженно и резко оборвал его Сергей. – Жить надоело? Когда время придет, я сам тебя найду. И не смей звонить.

Ответа Сергей дожидаться не стал – отключился. Николай так и остался стоять посреди улицы, раскачиваясь из стороны в сторону, с прижатой к уху трубкой. Он долго слушал пустую тишину, в которую погрузился аппарат.

Каждый вечер Николай приходил в квартиру, которую снимал для Насти. Открывал дверь и, шагнув вперед, садился прямо на пороге. Николай все время что-то здесь вспоминал: детство, вечно измотанную мать, хронически пьяного отца, школьный двор, Майю. Их первую, безрассудную и юную любовь, а потом страх, полосу отчуждения. Нищее существование, в котором еще была надежда, потом боль, страдания любимого человека и крушение всему – смерть. Он тогда даже не попал к Майе на похороны: знал, что не сможет вынести всего – как ее закроют в гробу, опустят в яму и засыпят землей. Он бы стал вытаскивать ее, спасать, а это было нельзя. Надо было раньше. К родителям он тоже не вернулся. Не то чтобы боялся обвинений или продолжения скандала – было плевать, – просто там бы не смог. Про ребенка за всю жизнь не спросил ни разу, хотя знал, что родные в курсе, что стало с ним. Николай считал, что именно этот никому не нужный младенец – на воспитание его не взяли ни мать Николая, ни родители Майи – убил ее.

На этом воспоминания резко прерывались. Дальше он не помнил ничего из своей жизни, кроме Насти. Больше всего оказалось сознание того, что ее больше нет, есть где-то очень похожая на нее женщина. Запуганная и усталая, возможно, такая же смертельно усталая, как и он сам. Каждую ночь он сидел на пороге квартиры и думал, думал, а наутро неизменно просыпался в своей постели, и все начиналось сначала.

Через месяц стало ясно, что он сходит с ума. Еще немного – и воспоминания разорвут в клочья и мозг, и вечно грохочущее в ускоренном ритме сердце. Пора было что-то решать. Из

глубин памяти мобильного телефона он извлек номер матери – звонил ей Николай так редко, что некогда родной номер забылся и стал абсолютно чужим. В трубке ответили старушечьим, дребезжащим «Алло».

– Мам, – Николай с давних пор тяжело произносил это слово.

– Коленька? – было сложно понять, то ли обрадовалась мать его звонку, то ли испугалась его. – Что случилось?

– Почему сразу случилось? – по-прежнему он чувствовал себя в разговоре с ней сопливым мальчишкой, который обязательно что-нибудь натворил. И кажется, по-крупному.

– Ты как? – торопливо поправила мать.

– Нормально. – Николай с трудом вспомнил, что надо поинтересоваться ее здоровьем в ответ. – А ты себя как чувствуешь?

– Ничего, – мать обрадовалась возможности поговорить на безопасную тему, – вот только давление иногда, сердце еще шалит. Но мне врач все лекарства прописал, я пью. А так...

– Молодец, – Николай перебил ее, – пей.

Долгая пауза повисла между ними, как тяжелая тягучая капля. Ее медленные, неслышные движения завораживали и усыпляли мысль: мать не знала, о чем говорить, сын не решался начать. Наконец все-таки она пришла ему на помощь:

– Ты позвонил-то что?

– Мне нужно знать, как зовут моего сына, – Николай выпалил заранее заготовленную фразу. Мать только ахнула в ответ. – И не спрашивай зачем, все равно не скажу.

– Хорошо-хорошо, – в ее голосе послышались слезы, – в доме малютки его называли Иваном, фамилию дали твою, отчество – тоже. В смысле, Николаевич...

– Спасибо, – Николай снова прервал ее торопливый ответ. – Ты хоть раз ездила к нему? Видела?

Его голос сорвался на хрип.

– Нет... – едва расслышал он и, не в силах дальше вести разговор – голос отказал ему окончательно, – нажал отбой.

Мать еще долго кричала в трубку допотопного домашнего телефона: «Алло, Коленька, алло». В ответ ей слышались только короткие гудки. Она хотела бы перезвонить, чтобы добиться все-таки ответа на вопрос, что происходит, но не знала ни номера своего сына, ни адреса. Ничего. После смерти Майи он не доверил ей ни единой частички своей жизни или души. Ни слова, ни фразы.

Когда-то уверенная в своей правоте и безгрешности, теперь она все чаще размышляла о том, что многое в судьбе сына поломала сама.

Глава 4

Настя очнулась в сиреновой комнате и не сразу смогла понять, где находится. Она лежала на большой кровати, аккуратно укрытая мягким одеялом. Перед ней сидел смутно знакомый мужчина, который что-то читал. Голова отказывалась воспринимать представшую перед ней картину как часть реальности пока память не вернула мозгу события вчерашнего вечера. Мерзкие, ужасные события, помимо ее воли ставшие частью жизни. Обрывались они внезапно на том моменте, когда она от страха потеряла сознание в руках Николая. Что было дальше, Настя понятия не имела. Она снова закрыла глаза и постаралась вспомнить. Ничего не вышло.

– Где он? – проговорила она, снова открыв глаза и тяжело ворочая непослушным языком.

– Кто? – Стае оторвался от книги и поднял на девушку сочувственный взгляд. – Николай? Давно уже дома. Еще только восемь утра. Отсыпается, наверно.

– Дома? Как же так?! А я? – Ее голос прозвучал по-прежнему слабо.

– Ты, случаем, не заболела? – Стае испуганно приложил руку к Настиному лбу. – Да нет, вроде не горячая. У хозяина, где же еще.

Повисла долгая пауза.

– Какого хозяина? – Настя поморщилась, произнося омерзительное слово.

– Совсем ничего, бедняжка, не помнишь? – Стае расстроено покачал головой. – Сергея Сергеевича, какого же еще.

Соображать было сложно, в ушах звенело. Под ложечкой сосало, и желудок сводило жуткими спазмами.

– Я есть хочу, – пробормотала она, не понимая толком, хочет ли чего-то вообще. Просто нужно было, чтобы ее наконец оставили одну.

Стае моментально оживился, даже обрадовался.

– Здорово! Умница! – затараторил он. – Я сейчас быстренько на кухню сбегая, принесу чего-нибудь.

Он тут же соскочил со стула и почти выбежал, захлопнув за собой дверь.

Настя повернулась на бок и стала разглядывать стену. В лучах утреннего солнца сиреневый цвет приобрел неузнаваемо яркий опенок, такой, что глазам было больно смотреть.

Хозяин. Какой бред! Настя еще раз произнесла это слово вслух, словно пробуя его на язык. Ощущения были отвратительными. Постепенно в голове стало кое-что проясняться. Она начала сознавать, что Николай привез ее сюда намеренно, чтобы предать, чтобы бросить, как надоевшую игрушку. Да еще так жестоко! Зачем? Раздевал при посторонних своими руками, а потом... Что было потом?! От мерзких воспоминаний минувшей ночи, которые никак не желали вырисовываться до конца, на Настю волной нахлынула тошнота. Она содрогнулась от спазма и невероятной силы чувства ненависти. К себе, к Николаю, ко всему окружающему миру.

Ее жизнь за один-единственный день превратилась в руины. Но что-то все равно не укладывалось в голове: если Николай действовал по заранее продуманному сценарию, давно решил избавиться от нее, то откуда эти его нежные взгляды, жадные поцелуи, тоска в глазах? Она долго ломала голову и никак не могла понять, ощущая то ярость и ненависть, то отчаяние и страх.

Стае вернулся с небольшим подносом, на котором стояла чашка с горячим чаем и лежали заветренные бутерброды.

– Извини, все, что нашел, – хмуро сказал он. – Завтрак пока не готов. Сергей Сергеевич по выходным раньше десяти не встает. Кухарка еще только на кухне появилась.

– Спасибо, – Настя натянула одеяло до подбородка и села в кровати. Удивительно, но неприязни к Стасу, который тоже был действующим лицом в череде ее унижений, девушка не ощущала. Только жалость: и к нему, и к себе. – А ты, что, все время со мной сидел?

– Нет, – Стае виновато улыбнулся. – Я минут двадцать назад пришел. Ты вчера так вертелась и кричала, что пришлось тебе снотворного дать. Поэтому я был уверен, что рано не проснешься. А ты вот проснулась. Держи чашку. Только осторожно – горячая.

Настя взяла чашку и с трудом поднесла ее к губам. Отхлебнула. Во рту было противно – то ли чай плохой, то ли после вчерашнего остался отвратительный привкус.

– А ты? – Насте было трудно ворочать языком, но она должна была хоть что-то понять. – Ты тут кто, если хозяин, – ее усилия произнести вслух имя Сергея Сергеевича успехом не увенчались, – этот, как там его?

– Сергей Сергеевич, – терпеливо и почти по слогам произнес Стае. – Я у него управляющий. Дом, сад, хозяйство, прислуга – все на мне.

– А-а-а, – протянула Настя, добавив в безжизненные интонации долю издевки. – А я теперь тут кто – тоже хозяйство, раз меня твоим заботам доверили? Или прислуга?

– Нет-нет-нет, – торопливо застрекотал Стае, не давая ей продолжить, – с тобой все по-другому. Ты – хозяйка, и я сам буду выполнять твои поручения.

– Интересно все у вас, – Настя презрительно хмыкнула, – ладно, хозяйка так хозяйка.

Стае нервно заерзал, но ничего не сказал.

– Тогда первое поручение – рассказать, что вчера было, после того как я потеряла сознание, – Настя решительно взяла Стаса за руку и больно сжала запястье. – Давай!

– Не надо, – Стае неожиданно побледнел, – я не хотел ничем тебя обидеть, пойми. Но были договоренности, которые никто не мог отменить. – Стае глубоко вздохнул и, собравшись с духом, выпалил: – Вчера ты стала... черт, не знаю, как сказать... любовницей хозяина, что ли. Но ты не бойся, он щедрый, хороший, мне, например, очень помог. У меня мать тяжело болеет, не думал, что спасут, а он сам предложил лечение в Израиле оплатить...

Настя, словно пораженная громом, молчала. Слова Стаса отдалялись, она уже не разбирала их смысла. Только сейчас Настя осознала, в каком положении оказалась. Господи, как же она посмотрит в глаза родителям после всего, что случилось?! Не к этой судьбе они готовили свою дочь. Они хотели, чтобы их Настенька нашла достойного мужчину, устроила свою жизнь и послужила надежным гарантом их благополучия в старости. А она! Что она натворила?!

Ей даже в голову такое не могло прийти – чтобы ее цинично и жестоко пустили по рукам. И кто? Человек, которого она безумно любила. Зачем он сделал это, зачем? Боже, какая дура! Нельзя было доверяться мужчине, о котором ничего не знаешь. Нельзя верить чувствам, отключая разум. Как он сказал? «За все приходится платить». Вот так! Убийственная фраза, жестокий урок для наивной девчонки!

– А Николай? – Настя старалась говорить ровно, не выдавая боли, с которой теперь было неразрывно связано это имя, но все равно голос дрожал. – Он тоже на него работает? Серг... – Она споткнулась. – Его начальник? Он директор этой западной фирмы?

– Какой еще фирмы? С чего ты взяла? – Стае отвел глаза и, едва справившись с накатившим за себя и остальных мужчин стыдом, начал рассказывать. Кажется, опять, кроме него, некому было объяснить все очередной попавшейся на крючок девчонке – жертве Николаши, подонка, и Сергеича. – Николай нигде не работает, не знаю уж, что он тебе там врал. Он занимается одним, как бы это сказать, частным бизнесом. Сергею Сергеевичу Николая приятель лет пять назад порекомендовал. Сказал, что, если захочется вдруг изысканных удовольствий, то это по части Коли. Он ведь – ты только успокойся, пожалуйста, – занимается тем, что по запросам состоятельных людей ищет девушек, обучает их искусству любви, а потом передает заказчикам. Неплохо, между прочим, зарабатывает, насколько я знаю.

Настя вся похолодела. Перед глазами поплыли темные круги. Вот оно. Вот оно – объяснение всему, что произошло. Она бы долго еще ломала голову, пытаясь разобраться во всем сама, и вряд ли смогла бы когда-нибудь додуматься до истинного положения вещей. Деньги! Чертовы деньги, о которых она никогда не думала, заставляют людей забыть о том, что у них должно быть достоинство, чувства и совесть. Принуждают человеческое воображение работать в извращенном режиме, выдумывая и изобретая все новые и новые способы обогащения. Кто-то стреляет по заказу в себе подобных, кто-то торгует ими, шантажирует, обкрадывает, покрывает все эти преступления и смотрит на деградацию и вырождение человечества сквозь пальцы. Раньше ей казалось, что все эти ужасы, не сходящие с газетных страниц и экрана телевизора, проходят мимо нее, не задевают. Теперь в одно мгновение все изменилось: она оказалась в эпицентре, стала очередной незадачливой жертвой.

– Что с тобой? – Стае испуганно склонился над Настей и в очередной раз приложил ладонь к ее лбу. – Ты такая холодная и бледная! Только не падай больше в обморок, ладно? Я же не врач. Я лечить не умею, а отвечать за тебя буду по полной программе.

– Не таракхи, – Настя отвела его руку, все еще лежавшую у нее на лбу. Голова кружилась. Нужно было найти способ сразу избавиться от всего этого: позора, головокружения, жизни. – Иди отсюда. Дай мне поспать.

– Спи! – с готовностью разрешил ей Стае. – Только уйти я не могу. Меня хозяин просил не оставлять тебя ни на минуту. Здесь, конечно, решетки на окнах и все такое. Но вдруг вздумаешь в ванне утопиться или осколком зеркала себя порезать?

«Какой ты бдительный, черт бы вас всех побрал!» – Настя кричала про себя, дрожа на грани истерики. Но внешне держалась. Как знать, может, этот приспешник поверит, что она совершенно спокойна, и уйдет. Она отвернулась от Стаса и закрыла глаза. А через несколько минут неожиданно провалилась в забытие, словно в бездонную черную яму. Наверное, снотворное. Но и в тяжелой полудреме все продолжало кружиться перед ее закрытыми глазами, а к горлу один за другим подступали спазмы.

Сергей Сергеевич, напротив, проснулся в прекрасном расположении духа. Впереди был еще целый выходной: редкая, почти непозволительная, роскошь. Он специально заранее уладил все дела, а те, что нельзя было решить, отложил до понедельника – так не терпелось ему остаться наедине с новой игрушкой. Мучительно хотелось воплотить в жизнь невероятные фантазии, жестокие грезы, насытиться, забыться в неистовом, долгожданном наслаждении: без ограничений, отказов и всякого рода «нельзя». В последнее время он все чаще задумывался о приближении старости, хотя выглядел прекрасно и чувствовал себя вполне молодым. Но еще лет десять – максимум пятнадцать, – и все закончится. Вряд ли в семьдесят его будет волновать что-то, кроме спокойной обеспеченной жизни где-нибудь в горах, среди ароматных сосен Крыма. Сергей потянулся к столику и взял мобильный телефон. С тяжелым вздохом включил аппарат на прием и прочел полученные сообщения. Просмотрел непринятые звонки. Три из них – от жены. Сергей Сергеевич набрал ее номер.

– Дорогуша, ты звонила? – произнес он в трубку, как мог, ласково.

– Да, Сереж, – отозвался теплый голос, – волнуюсь. Как долетел?

– Прекрасно, – он усмехнулся, – уже час как приземлились. Еду в город.

– И как там, в Монреале, с погодой? – забеспокоилась Нонна. – Ты же совсем теплых вещей не взял. Не замерзнешь?

– Да нет, – Сергею всегда было противно от ее наивной заботы, – тепло. Да я ж из машины – на встречу, со встречи – в отель. Даже не успею понять, что там на улице.

– Ладно, – вздохнула жена, – береги себя, милый. Все-таки двенадцать часов полета – не шутка. Тем более в нашем-то возрасте.

– Конечно, дорогая. Не переживай. Нежно тебя целую.

– Я тоже.

И она отключилась. Сергей Сергеевич сплюнул сквозь зубы – опять она про возраст, – но остался весьма доволен собой. Он давно научился врать так натурально, что и сам начинал во все свои рассказы верить. Вот и сейчас ему на мгновение показалось, что он действительно прилетел в Канаду и теперь сидит на заднем сиденье такси, которое мчится по трассе, окруженной густым сказочным лесом.

А с женой Сергею повезло. В свое время именно этот брак помог ему остаться на плаву, когда власть в очередной раз начала меняться. Тридцать лет они уже вместе, а жена до сих пор умеет во всем его поддержать. Умная баба, кроме прочего, хотя и дура!

Сергей, несмотря на собственные амбиции, отчетливо понимал, что если б не ее отец, а еще – постоянные одобрение и помощь Нонны, вряд ли удалось бы так многого в жизни добиться. Одна беда – в свои без малого шестьдесят Нонна уже выглядела как старуха. И постоянно одним своим видом напоминала ему об «их возрасте». Она не старалась казаться моложе своих лет, не торчала сутками в салонах, как делали это все жены его партнеров по бизнесу, не соглашалась на косметические операции, не ездила на термальные курорты, не ложилась на регулярные обследования в престижные клиники. Она вся была в заботах о муже, о его удобстве и комфорте. Иногда это невероятно раздражало. Детей они не нажили – не случилось. Да он и не согласился бы ни за что на какого-то там младенца в доме. Но Нонна чувствовала себя за это виноватой, стараясь компенсировать супругу отсутствие сына или дочки лаской, пониманием, любовью.

Сергей Сергеевич откинул одеяло, стараясь заодно выбросить из головы ненужные мысли о жене, и, надев халат, решил для начала хорошенько позавтракать.

В столовой все было готово к его приходу. Кухарка, заслышав шаги хозяина, вынесла горячий кофейник, поставила на стол и тут же снова скрылась на кухне. Она знала – Сергей Сергеевич не любит, когда крутятся вокруг стола, пока он ест. Обычно завтракали они вместе со Стасом, но сегодня у того были важные дела. Покончив с едой, хозяин сам налил себе кофе и откинулся на спинку стула. Ему хотелось вызвать Стаса и узнать, как там Настя, но, поскольку он сам же велел управляющему находиться при девушке неотлучно, решил подождать и подняться наверх попозже.

Ближе к обеду, сделав несколько срочных звонков, позанимавшись на тренажерах и приняв контрастный душ, Сергеич поднялся в отведенную Насте спальню. Он остановился перед комнатой и прислушался. Внутри было тихо. Отворил дверь, заглянул внутрь – Стае сидел с книгой на стуле возле кровати, Настя спала. Во сне она выглядела спокойной и безмятежной, только казалась немного больной.

– Ну, как? – шепотом спросил он, зайдя в комнату, едва не трясаясь от нетерпения и плотно прикрыв за собой дверь.

– Да ничего, – так же шепотом ответил Стае, поднявшись из кресла навстречу хозяину. – Только переживает очень. Этот гад Николаша ничего ей не сказал – кинул, как котенка в холодную воду. Пришлось мне самому все объяснять. Теперь я у нее, наверное, враг номер один.

– Ты-то тут при чем? – раздраженно и сурово одернул его Сергеич. – Пусть злится себе на Николая – у нее на то все основания. А нам с тобой ее враждебность ни к чему. Не мы ее продавали.

Стае тяжело вздохнул, хотел что-то возразить, но не решился.

– Конечно, – он сделал паузу. – Только ей время нужно, чтобы все осознать. Чтобы к вам привыкнуть. Такая девушка хорошая. Вы б не торопились, а?

– Стае, – Сергей моментально покраснел от гнева, – ты не лезь, куда не просят! Я сам решу – торопить или медлить.

– Да, разумеется, – Стае опустил глаза.

– И думай, что хочешь, а лучше – делай, что знаешь, потому что к вечеру она должна быть в моей спальне. Понял?

– Да, – Стае уронил голову на грудь.

– Дай таблеток. Придумай что-нибудь, в конце концов. Пусть приведет себя в порядок – и вперед.

Договорив, Сергей резко развернулся и стремительно вышел из спальни, закрыв за собой дверь. Будь его воля, он и до вечера бы ждать не стал. Времени и так ни черта нет, да и жизнь бежит быстро – просто беда. Куда уж тут откладывать?!

Чтобы хоть как-то отвлечься, он спустился в библиотеку и включил компьютер. Пока что нужно было заставить себя поработать. Раскрыл договор, присланный в пятницу из Монреаля, и начал читать. Но не смог сосредоточиться: слишком заводило его присутствие в доме этой Насти. Такое ощущение, что она не в комнате наверху спит, а стоит у него за спиной. И стоит только обернуться, протянуть руку и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.